

АНГЛІЯ

ВЪ

КНИГЪ ТЭНА.

Notes sur l'Angleterre, par H. Taine.

III*).

Отъ характеристики писателя обратимся къ его произведе-
и познакомимся съ тѣмъ эскизомъ англійской жизни, англій-
тъ правовъ, который мастерскою рукою набросанъ Тэномъ въ
книгѣ объ Англии. Книга Тэна—складная картина. Передъ
и десятки, сотни разрозненныхъ, раскрашенныхъ деревян-
къ кусочковъ; немножко труда, терпѣнія, и изъ нихъ слагает-
цѣльный, красивый узоръ. Все тутъ есть для полного вос-
веденія англійской жизни, но все сброшено въ одну общую
у, части не приведены въ систему, одно не подобрано къ
тому, все отзывается какимъ-то безпорядкомъ, хаосомъ, точ-
ктору не было времени докончить своего труда, точно онъ
хотѣлся подѣлиться съ обществомъ своими наблюденіями, вне-
шеніями, выводами. Онъ отдаетъ публикѣ сырой матеріалъ,
онъ говоритъ: «посмотрите, вотъ что набралъ я, вотъ что по-
нѣтъ а изъ англійской жизни, стоить надъ этимъ поработать,
нѣтъ изъ этихъ нитокъ соткать полотно, или бросить работу

недоконченною, предоставляя другимъ мои отрывочныя наблюденія и замѣтки привести въ стройную систему, въ гармонію?»

Читая его книгу, вы досадуете, что авторъ не потрудился сшить все это болѣе прочными нитками; но сердиться на него вы все-таки не въ правѣ, не въ правѣ уже потому, что самъ онъ предупредилъ о такомъ разрозненномъ характерѣ своего произведенія, давая ему скромное, но вѣрное названіе: «Notes sur l'Angleterre». Восхваляя англичанъ за ихъ привычку путешествовать по чужимъ странамъ и заносить въ тетрадь свои наблюденія, Тэнъ между прочимъ говоритъ: «стоитъ только каждый вечеръ описывать проведенный день, на этотъ небольшой трудъ способенъ всякій; единственно что при этомъ необходимо, это вниманіе и отсутствіе предубѣжденій». Такимъ образомъ дѣлалъ Тэнъ каждый разъ, что путешествовалъ по Англіи, первый разъ въ 1861-мъ году, второй въ 1862-мъ г. и наконецъ третій въ 1871-мъ году. Результатомъ этихъ путешествій явилась его книга объ Англіи. Это предисловіе прямо указываетъ на отсутствіе претензіи дать систематическое сочиненіе объ этой странѣ; такъ что помня его слова, вы не только примиритесь съ разбросанностью, съ отрывочностью книги, вы въ концѣ концовъ, прочитавъ ее отъ первой до послѣдней страницы, начинаете удивляться, что въ вашей головѣ сложилась такая разнокалиберныхъ деревашекъ у ребенка является больша складная картина.

Но если нельзя сѣтовать на автора за то, что онъ даетъ намъ свои замѣтки, а не стройное систематическое сочиненіе объ извѣстной странѣ, то тѣмъ не менѣе, чтобы говорить этой книгѣ, необходимо сдѣлать самому то, чего не пожелаешь сдѣлать самъ авторъ, т.-е. необходимо его отрывочныя замѣтки привести хотя въ какую-нибудь систему. Иначе пришлось бы не писать о книгѣ, а переписать книгу. Но быть можетъ, кто-нибудь возразитъ намъ: да стоитъ ли такой книжкѣ, которая есть не что иное какъ собраніе мимолетныхъ замѣтокъ, брошенныхъ авторомъ спустя рукава, стоитъ ли посвящать три статьи, стоитъ ли трудиться приводить эти замѣтки въ систему? Замѣтки, можно отвѣтить, замѣткамъ рознь!

Замѣтки Тэна поражаютъ насъ своею мѣткостью, въ нихъ онъ затрогиваетъ всѣ выдающіяся стороны жизни, въ нихъ является такимъ тонкимъ наблюдателемъ, отъ вниманія котораго ускользаютъ самыя мелкія, но типичныя черты нравовъ англійскаго народа. Какъ часто на первый взглядъ Тэнъ останавливается въ своей книгѣ на какой-нибудь частной, незначущей

характера того или другого лица, извѣстной привычки, возрѣнія. Онъ разбираетъ эту черту съ необыкновенною тщательностью, подробностью, и вы невольно задаетесь вопросомъ: да въ чему такъ настаивать на такой мелочи, на такой ничтожной чертѣ характера или возрѣнія! Читая далѣе, вы видите, что изъ этой мелкой черты, изъ незначущаго штриха Тэнъ вдругъ дѣлаетъ крупное обобщеніе и говоритъ: вотъ вамъ типическая сторона жизни, вотъ бьющая въ глаза особенность англійскихъ нравовъ. И вы должны принять это обобщеніе, должны согласиться, что оно сдѣлано правильно, что общій выводъ его изъ частнаго примѣра какъ нельзя болѣе вѣренъ и логиченъ. Отчего же этотъ общій выводъ поражаетъ васъ своею правильностью? Оттого, что Тэнъ передъ тѣмъ приготовилъ васъ цѣлыми страницами, цѣлымъ рядомъ мелкихъ, но мѣткихъ замѣчаній къ принятію этого вывода. Примѣръ, который онъ находитъ въ частномъ фактѣ, въ мелкой чертѣ является такъ сказать какъ *coup de grâces*, который онъ наноситъ вамъ, и вы не имѣете возможности возразить: это частный примѣръ, вы не въ правѣ обобщать его, дѣлать копейные выводы! Онъ спокойно отвѣчаетъ вамъ: изъ частныхъ чертъ образуется общій характеръ; это не частная, не случайная черта, это черта типическая англійской жизни, англійскихъ нравовъ. Вся книга, вѣздется, состоитъ изъ частныхъ примѣровъ, случайныхъ замѣтокъ, занесенныхъ въ его дневникъ какъ бы случайно, и несмотря на это, когда вы закрываете книгу, вы не можете не сказать, что всѣ главныя, типичныя стороны англійской жизни прошли передъ вашими глазами. Такова внѣшняя мапера послѣдняго сочиненія Тэна, о которой нужно было сказать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ перейти къ ея внутреннему содержанию.

Когда мы желаемъ познакомиться съ жизнію извѣстнаго народа, съ его нравами, когда мы обращаемся къ изученію страны, то намъ тотчасъ представляется цѣлый рядъ вопросовъ, требующихъ себѣ того или другого отвѣта. Мы должны спросить себя, каковъ общій характеръ этого народа, каковы его свойства, нравственныя качества, какія преобладающія стороны въ организмѣ людей, населяющихъ государство, какова семейная жизнь этого народа, въ какомъ состояніи находится образованіе, какое направленіе общаго народнаго воспитанія; мы должны узнать, что вѣрить этотъ народъ, какова, другими словами, его религія; затѣмъ, иди далѣе въ общественную жизнь, мы спрашиваемъ себя, какова политическая жизнь страны, какая господствуетъ въ ней форма правленія и какъ она дѣйствуетъ, каковы

политическіе нравы и законы, управляющіе жизнію народа, и наконецъ, мы должны поставить себѣ еще одинъ вопросъ, выдвинутый на сцену XIX-мъ вѣкомъ, каковы социальныя отношенія между большинствомъ и меньшинствомъ, каково, однимъ словомъ, распредѣленіе богатства въ странѣ. Вотъ вопросы, требующіе себѣ отвѣта каждый разъ, что мы задаемъ задачею познакомиться съ внутреннею жизнію народа, и на эти-то вопросы мы попросимъ отвѣта у Тэна. Нечего и говорить, что отвѣтъ на всѣ эти вопросы не можетъ быть полонъ, требовать такого полного многосторонняго отвѣта отъ книги въ четырехста страницъ было бы по крайней мѣрѣ несправедливо. Отъ Тэна тѣмъ не менѣе мы имѣемъ право требовать больше чѣмъ отъ кого-либо другого, потому что кому много дано, отъ того много и требуется. Ошиблись бы разумѣется тѣ, которые ожидали бы пайти въ книгѣ Тэна новое слово объ Англіи; давно вѣдь уже рѣшено, что ничто не ново подъ луною, и Тэнъ своею книгою нисколько не опровергаетъ этого мудраго изреченія. Все, чего можно желать, это, чтобы писатель рѣшающійся писать о странѣ, о которой написано тысячи томовъ, былъ оригиналенъ въ своихъ описаніяхъ стараго, и съ этой стороны нужно было бы быть слишкомъ взыскательнымъ, чтобы остаться недовольнымъ авторомъ «Notes sur l'Angleterre». Тэнъ пріѣзжаетъ въ Англію безъ заранее составленнаго о ней мнѣнія, онъ не предубѣжденъ ни въ пользу Англіи, ни противъ нея, онъ рѣшился составить собственное мнѣніе и говорить только о томъ, что лично видѣлъ и слышалъ. Онъ ни съ кѣмъ не полемизируетъ, онъ забываетъ о своихъ соотечественникахъ, и знаменитыхъ соотечественникахъ, писавшихъ объ Англіи, онъ дѣлаетъ видъ, что не читалъ ихъ, и потому во всей его книгѣ вы не найдете ни одной ссылки на другихъ писателей; ни однимъ словомъ онъ не упоминаетъ о томъ, что объ Англіи было писано такими французскими писателями, какъ Монтескье, Вольтеръ, Монталамберъ, Луи-Бланъ, Ледрю-Ролленъ, Эскиросъ и т. д. Онъ не становится на сторону тѣхъ, которые, какъ Монталамберъ, до извѣстной степени Эскиросъ и пожалуй Луи-Бланъ, все восхваляютъ, все стараются оправдывать, точно также какъ чуждаются и тѣхъ, которые подобно Ледрю-Роллену систематически нападаютъ на Англію, доказывая, не особенно впрочемъ убедительно, что это—страна, быстрыми шагами стремящаяся къ рѣшительному упадку. Онъ игнорируетъ всѣхъ писавшихъ до него, претендуя, далеко не безъ основанія, дать своеобразное, оригинальное описаніе этой избитой въ литературѣ странъ, разумѣется

сравненіе его съ другими писателями, тѣмъ любопытнѣе узнать, въ чемъ онъ сходится съ однимъ и въ чемъ расходится съ другимъ.

Методъ, съ которымъ Тэнъ приступаетъ къ изученію Англіи, обрисовывается съ самыхъ первыхъ страницъ, съ первой минуты его прикосновенія къ Англіи и къ англичанамъ. Изученіе нравовъ начинается съ того момента, когда онъ садится на пароходъ, который долженъ перенести его на «гордый» островъ. Тэнъ присматривается къ лицамъ, къ сложению, къ физической сторонѣ; онъ не упускаетъ случая заговорить съ англичанами, толпящимися на палубѣ, и тутъ на первыхъ шагахъ подводитъ уже ихъ разговоры, ихъ лица, ихъ манеры въ систему, классифицируетъ ихъ извѣстнымъ образомъ, начинаетъ, однимъ словомъ, собирать типы, изъ которыхъ слагается у него замѣчательная коллекція.

Прежде чѣмъ пропикнуть во внутреннюю жизнь англичанъ, Тэнъ останавливается на ихъ внѣшней сторонѣ, и первый вопросъ, который онъ задаетъ себѣ, это вопросъ: какова физическая природа англичанъ? «Въ концѣ концовъ,—говоритъ онъ,—самое существенное въ странѣ, это человѣкъ; со времени моего пріѣзда я собираю коллекціи типовъ и присоединяю ихъ къ тѣмъ, которые я собралъ прежде. По сдѣланному опыту, лучшая метода въ моихъ глазахъ это метода художниковъ и естествоиспытателей: замѣчать гордую, рѣзко выдающуюся фізіономію или выраженіе, слѣдить за ея оттѣнками, измѣненіями и примѣсью, провѣрять, встрѣчается ли она у многихъ людей; выдѣлать такимъ образомъ главныя характеристическія черты, сравнить ихъ, истолковать и классифицировать». Этотъ позитивный методъ въ приложеніи къ описанію какой-нибудь страны не составляетъ впрочемъ новости и права собственности Тэна. Уже Монтескье въ нѣсколькихъ страницахъ, посвященныхъ описанію Англіи, которое, говоря мимоходомъ, носитъ то же названіе, какъ и книга Тэна,—уже онъ въ своихъ «Notes sur l'Angleterre» прежде всего обращается къ физической природѣ чловѣка и начинаетъ свое описаніе со словъ: «народъ въ Лондонѣ ѣсть много говядины; это дѣлаетъ его чрезвычайно сильнымъ; но въ сорокъ или сорокъ пять лѣтъ онъ дохнетъ».

Каковы же, слѣдуетъ спросить, типы, которые преимущественно встрѣчаются въ Англіи, какова физическая природа людей, умѣвшихъ создать у себя такой общественный порядокъ, что онъ поневолѣ служитъ образцомъ или во всякомъ случаѣ образцомъ для всѣхъ почти другихъ народовъ?

Тэнъ даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ во второй главѣ своей

книги, которая носить названіе: «Типы». Эта глава служитъ какъ бы основой его книги, на которой строятся всѣ дальнѣйшіе выводы. Тэнъ реалистъ и потому довольно понятно, что онъ приписываетъ большое значеніе физическимъ свойствамъ народа. Какъ отдѣльный человѣкъ, одаренный вѣрными здоровьемъ, хорошо развитыми мускулами, сильный, съ меньшимъ трудомъ достигаетъ разъ намѣченной имъ цѣли, точно также и цѣлый народъ, который по праву гордится физическою силою, въ которомъ нѣтъ изнѣженности, дряблости, можетъ смѣлѣе идти по начерченному пути прогресса. Безъ сомнѣнія, физическія свойства, какъ сила, здоровье, далеко еще не обезпечиваютъ за народомъ общаго благоденствія, требующаго кромѣ того и, главнымъ образомъ, великой нравственной силы. Тэнъ говоритъ только одно, что физическія свойства народа составляютъ одинъ изъ основныхъ элементовъ народнаго благополучія, хотя и ему, не хуже чѣмъ другимъ, знакомы народы, обладающіе прекрасными физическими свойствами, но тѣмъ не менѣе влачащіе самую жалкую жизнь. Англія, со стороны физическихъ свойствъ ея народа, представляется Тэну въ самомъ заманчивомъ свѣтѣ. Наблюдая вѣднѣе жизнь, вглядываясь въ прохожихъ, останавливаясь передъ женщинами, дѣтьми, всматриваясь въ мужчинъ, Тэнъ приходитъ къ заключенію, что въ Англіи существуютъ главнымъ образомъ три типа людей. Первый типъ, это типъ здороваго, сильнаго, мускулистаго, красиваго человѣка; затѣмъ типъ человѣка флегматика; и наконецъ, третій типъ, это сухой, жилистый человѣкъ, выработанный усиленнымъ трудомъ, пропитанный энергіею, человѣкъ закаленный въ работѣ. Встрѣчаются, конечно, отклоненія отъ этихъ типовъ, но въ большинствѣ случаевъ самыя отклоненія суть не что иное какъ отгѣнки, видоизмѣненія ихъ, происходящія отъ различія воспитанія, лѣтъ, пола, положенія, занятія человѣка.

Первый типъ, т.-е. типъ человѣка сильнаго, богатырски-сложнаго, огромнаго роста, съ свѣжимъ румянцемъ лицомъ, большею частью съ отличнымъ расположеніемъ духа, Тэнъ слѣдитъ во всѣхъ слояхъ общества: онъ находитъ его среди солдатъ, среди прислуги аристократическихъ домовъ, онъ встрѣчаетъ его у фэишнелельной части населенія и среди простаго народа. Цѣльный законченный типъ перваго разряда встрѣчается конечно не часто; большею частью попадаетъ онъ нѣсколько въ неизмѣннѣе видѣ, это типъ «работающаго животнаго» съ большими костлявымъ тѣломъ, типъ человѣка съ сильною конструкціею схожаго нѣсколько съ автоматомъ, неловкаго, неграціознаго, но способнаго на большое упорство, на большія усилія въ работѣ. «Къ этому вѣрному сложенію костей и мускуловъ принадле-

соедините, — говоритъ Тэнъ, — ясный, спокойный, дѣятельный умъ, развитый спеціальнымъ или полнымъ образованіемъ, и вы получите прекрасный отгѣнокъ того же типа, человѣка серьезнаго, способнаго, достойнаго приказывать, и къ которому, въ случаѣ необходимости, и можно, и должно относиться съ довѣріемъ; типъ человѣка, который осилитъ самыя трудныя дѣла. Въ новомъ платьѣ и слишкомъ изящномъ, въ одеждѣ слишкомъ свѣтлой, несообразность содержимаго съ содержащимъ недалеко отъ того, чтобы показаться смѣшною. Но представьте вы его себѣ на палубѣ, во время сраженія, или просто въ конторѣ во главѣ двадцати прикащиковъ, представьте его себѣ въ судѣ, произносящимъ рѣшенія въ вопросахъ жизни и состояній, онъ вамъ покажется прекраснымъ, одареннымъ нравственною красотою. Такое тѣло можетъ носить въ себѣ душу безъ боязни быть подавленнымъ». Сообразно съ этимъ сильнымъ и здоровымъ тѣломъ слагаются и всѣ привычки и всѣ вкусы людей. Такое тѣло должно потреблять много пищи, и пища эта должна быть питательная, тяжелая, пикантная. «Огромныя порціи жирной говядины и овощи безъ соуса: тутъ питаешься обильно и здорово, но удовольствія ѣсть тутъ не знаютъ». Экономисты, передаетъ Тэнъ, вычислили, что въ то время когда французъ въ продолженіи года съѣдаетъ полтора барана, англичанинъ съѣдаетъ ихъ четыре. Какъ въ кушаньяхъ, такъ и въ напиткахъ, они не терпятъ ничего сладкаго, прѣснаго, этотъ крѣпкій организмъ не станетъ довольствоваться французскими винами, ему нужна водка, пиво, эль, портеръ.

Другому типу Тэнъ даетъ названіе флегматика; такіе люди, восприимчивая извѣстныя впечатлѣнія, никогда не обнаруживаютъ ихъ вѣднѣе образомъ, на нихъ повидимому ничто не дѣйствуетъ, ничто не волнуетъ и не потрясаетъ ихъ. У этого типа постоянно холодный вѣднѣе видъ, неподвижное выраженіе, необыкновенная скупость на слова, точно такіе люди застыли, точно они превратились въ автомата. Тэнъ нѣсколькими примѣрами, весьма мѣткими, рельефно обрисовываетъ этотъ типъ. «В..., получивъ рекомендацію въ одинъ домъ, дѣлаетъ визитъ; онъ разговариваетъ съ хозяйкой дома; является мужъ, который увидѣлъ гостя еще въ дверяхъ, проходитъ черезъ залу ни слова не говоря и съ глазами, обращенными въ другую сторону, садится, черезъ минуточку, безъ того, чтобы хотя одинъ мускулъ колебался на его лицѣ, произноситъ: «радъ васъ видѣть». Ни слова больше: черезъ пять минутъ онъ беретъ журналъ и читаетъ. Это не есть признакъ недовольства; напротивъ, онъ радушенъ и внимателен».

Для характеристики этого типа Тэнъ приводитъ нѣсколько

подобныхъ примѣровъ; взяты они изъ области дѣйствительной жизни, или придуманы самимъ авторомъ, во всякомъ случаѣ они живо даютъ чувствовать этотъ типъ. Безъ сомнѣнія, подобные примѣры рѣдки; быть можетъ, въ дѣйствительной жизни эта черта и не выражается такъ ярко, такъ рельефно, но она говоритъ объ общемъ характерѣ этого типа. Сбавьте половину съ этой внѣшней суровости, холодности, заставьте сказать хозяина дома вмѣсто одной фразы: «радъ васъ видѣть» — еще нѣсколько фразъ, но характеръ остается тотъ же, передъ вами живо рисуется образъ спокойнаго, ровнаго, никогда не выходящаго изъ себя, несловоохотливаго флегматика. Чтобы сдѣлать этотъ типъ еще болѣе нагляднымъ, чтобы заставить читателя почувствовать его сильнѣе, Тэнъ прибавляетъ свой личный опытъ: «Среди тѣхъ, кого я посѣщалъ, есть два или три человѣка, очень образованныхъ, очень уважаемыхъ, которые думаютъ, которые писали и умѣютъ хорошо говорить. Но говорить имъ неприятно. Они съ удовольствіемъ принимаютъ у себя и присутствуютъ при самыхъ интересныхъ разговорахъ, почти не произнося слова: не потому, чтобы они были невнимательны, разсѣянны, чтобы эти разговоры имъ надоели, — они слушаютъ и этого имъ довольно. Если къ нимъ прямо обращаются съ вопросомъ, они выскажутся въ одной фразѣ; заплативъ этотъ долгъ, они снова становятся молчаливы, и это никого не удивляетъ; чтобы объяснить только ихъ манеру, говорятъ: «этотъ человѣкъ не любитъ тратить словъ». Далѣе идутъ уже, если можно такъ выразиться, развѣтвленія этого кореннаго англійскаго типа, и смотря потому къ какому слою общества принадлежитъ флегматикъ, онъ носитъ на себѣ тотъ или другой характеръ. Флегматикъ попадаетъ и нужно сказать попадаетъ весьма часто среди всѣхъ классовъ англійскаго народа; встрѣчая эту натуру среди рабочаго люда, вы непременно увидите, что онъ носитъ на себѣ отпечатокъ какой-то тяжеловѣсности; во всѣхъ движеніяхъ, разговорахъ вы замѣчаете какую-то неуклюжесть, вы чувствуете, что люди эти едва ли способны къ утонченному развитію». Тэнъ указываетъ на этотъ оттѣнокъ новаго типа флегматика, подкрѣпляетъ свое личное наблюденіе примѣрами изъ англійской литературы, которая давно уже внесла его въ свою богатую коллекцію типовъ. Вы хотите видѣть этотъ типъ, какъ бы говорить современный намъ авторъ «Notes sur l'Angleterre», взгляните на Джонъ Виллета въ романѣ Диккенса «Barnaby Rudge», и вы встрѣтите не то человѣка, не то быка, сквозь толстую массу тѣла котораго не можетъ пропикнуть никакая новая идея; всѣ мысли, рѣдкія и узкія, кажутся какъ бы застывшими.

Но за то когда этотъ флегматическій темпераментъ пона-

дается у человѣка образованнаго, развитога, однимъ словомъ, у gentleman'a, тогда флегма придаетъ ему характеръ необыкновеннаго благородства. «Они возводятъ въ добродѣтель это качество ихъ темперамента, — говоритъ Тэнъ; — для нихъ самое главное достоинство въ человѣкѣ заключается въ томъ, чтобы у него всегда была спокойная и холодная голова. Они правы, прибавляетъ онъ: ничто такъ не полезно въ несчастіи и въ опасности, и это качество составляетъ одну изъ національныхъ чертъ, качество заставляющее ихъ всегда успѣвать. Французскій офицеръ, участвовавшій въ крымской кампаніи, передавалъ мнѣ, какъ при Инкерманѣ одинъ англійскій батальонъ стрѣлковъ уничтожилъ два русскихъ полка. Русскіе не переставали стрѣлять и не отступали ни на одну пядь; но они были возбуждены и дурно цѣлились; напротивъ, англійскіе стрѣлки избѣгали торопливости, прицѣливались и не теряли даромъ почти ни одного выстрѣла. Человѣкъ — въ десять разъ сильнѣе, замѣчаетъ Тэнъ, когда его пульсъ остается холоднымъ, и когда онъ вполне владеетъ своимъ разсудкомъ».

Флегматическій темпераментъ выражается весьма различно въ разныхъ классахъ и въ большинствѣ случаевъ онъ влечетъ за собою медленное нравственное развитіе, онъ является какъ бы задерживающимъ элементомъ въ умственной жизни.

Третій типъ, многочисленные элементы котораго по сознанію самого Тэна еще не хорошо выяснились для него, это типъ человѣка, работника по преимуществу, типъ существа необыкновенно дѣятельнаго, не останавливающагося ни передъ чѣмъ, способнаго на необыкновенныя усилія, который любитъ эти усилія ради усилій, который напрягаетъ всѣ свои способности, чтобы выкарабкаться изъ бурнаго потока жизни; который не останавливается для достиженія своей цѣли ни передъ какимъ предпріятіемъ, готоваго на все, безстрашнаго, идущаго смѣло и непреклонно впередъ къ намѣченной цѣли. Обиліе энергіи таково, что его ничто не пугаетъ, ничто не въ состояніи преградить ему путь. Это люди болѣею частію сухіе, жилистые, тонкіе, сильные и здоровые. Природа надѣлила ихъ такимъ организмомъ, что они спокойно могутъ переносить всяческія невзгоды. Тэнъ слѣдующимъ образомъ рисуетъ жизнь этого типа людей: «быть рано предоставленнымъ на свое собственное попеченіе, жениться на дѣвушкѣ безъ состоянія, имѣть много дѣтей, прожить все что наживешь, ничего не экономизировать, работать страшно, поставить своихъ дѣтей одипаково въ необходимость работать постоянно, обогащаться фактами и положительными свѣдѣніями, искать развлеченія отъ одной работы въ другой работѣ, отдыхать въ

путешествіяхъ, постоянно производить и постоянно приобрѣтать; они не желаютъ ничего другого, ни для себя, ни для своихъ дѣтей».

Какимъ же образомъ слагается этотъ характеръ англичанъ, откуда происходитъ эта наклонность въ постоянной работѣ, къ труду, составляющая рѣзкую національную черту англійскаго народа? Тѣнь менѣе, чѣмъ кто-либо другой, способенъ этотъ вопросъ оставить безъ отвѣта; его реалистическій, позитивный умъ любить глубоко рыться въ человѣческой природѣ и доискиваться до корня, до происхожденія той или другой наклонности, той или другой характерной черты.

Одною изъ первыхъ причинъ онъ называетъ право старшинства и большое количество дѣтей. Вслѣдствіе этого невольно каждый долженъ заботиться о самомъ себѣ, каждый долженъ напрягать всѣ свои силы, чтобы добиться известнаго довольства. Изъ того, что у англичанъ въ большей части случаевъ бываетъ много дѣтей, Тѣнь дѣлаетъ такой выводъ: у англичанъ больше смѣлости и меньше чувствительности, чѣмъ у французовъ. Больше смѣлости потому, что они не боятся обременять себя семьями, они не боятся быть вынужденными работать до глубокой старости; меньше чувствительности, чѣмъ у французовъ, потому, что послѣдніе съ ужасомъ думаютъ о томъ, чтобы ихъ дѣти проходили черезъ такую же трудную школу жизни, какъ они сами, и потому заботятся обезпечить ихъ существованіе и освободить по возможности отъ работы, въ то время, какъ англичане разсуждаютъ такъ: если мы работали всю жизнь, то отчего же не работать нашимъ дѣтямъ! Другою причиною этой необыкновенной, какой-то лихорадочной дѣятельности и изумительной энергіи, является, по мнѣнію Тѣна, климатъ, который играетъ замѣтную роль во всемъ, что только выходитъ изъ-подъ пера этого замѣчательнаго индифферента. Едва ли есть у него хотя одинъ вритическій этюдъ, хоть одинъ анализъ какого-нибудь поэта, историка, романиста, гдѣ бы климатъ не выступалъ впередъ, какъ одинъ изъ элементовъ, объясняющихъ того или другого автора, то или другое произведеніе. Такъ точно и въ его сужденіяхъ о характерѣ англійскаго народа онъ такъ просто и вѣстѣ такъ убѣдительно выясняетъ вліяніе климата на образованіе народнаго характера, что нужно было бы особенное упрямство, чтобы не согласиться съ его доводами. Прочтите эти строки: «Вторая причина, пишетъ Тѣнь, это климатъ. Я постоянно возвращаюсь къ нему, потому что по моему мнѣнію вліяніе климата могущественнаго. Представьте себѣ, что эта сырость и этотъ туманъ, и еще въ сильнѣйшей степени, существовали еще при

виксонскихъ короляхъ, и что эта раса жила съ тѣхъ поръ, что можно слѣдить за нею, начиная съ ея первой родины на берегахъ Эльбы и Ютландіи.... мрачная и суровая природа подрѣзываетъ въ корнѣ всякое сладострастное представленіе жизни. Идеаль, подъ этимъ небеснымъ сводомъ, это сухая, чистая, хорошо вытопленная, хорошо законопаченная квартира, одинокая жизнь съ вѣрною женою, хорошою хозяйкою, чисто одѣтою, розовыя щеки чисто вымытыхъ и чисто одѣтыхъ дѣтей, видъ радужнаго огонька, обиліе мебели, полезныхъ и пріятныхъ бездѣлицъ, разставленныхъ въ порядкѣ и хорошо отполированныхъ, присутствіе которыхъ напоминаетъ человѣку, что онъ защищенъ отъ непогоды и скуки, что онъ хорошо снабженъ всѣмъ, что нужно для всевозможныхъ потребностей ума и тѣла. Напротивъ, въ Провансѣ, въ Италиі, въ южныхъ странахъ, идеаль—это безцѣльная прогулка въ тѣни, на террасѣ, на свѣжемъ воздухѣ, съ любовницею, передъ дивнымъ пейзажемъ, среди благоуханія розъ, среди статуй и звуковъ музыки. Чтобы съ тонкимъ чувствомъ уживаться красотою лѣта, мягкимъ воздухомъ, дивными фруктами и архитектурою пейзажей, нужно только, чтобы распустились всѣ чувства; здѣсь климатъ ихъ замыкаетъ, и держа ихъ вѣчно въ заперти, кончаетъ тѣмъ, что притупляетъ ихъ».

Послѣ такого общаго положенія Тѣнь тотчасъ беретъ примѣры климата, другой, третій, и эти примѣры еще болѣе заставляютъ убѣдиться въ справедливости всего, что онъ говоритъ о вліяніи климата. «Вѣдний, въ Марсели или Миланѣ, покупаетъ на одну фунтъ винограда, достойнаго быть поданнымъ къ столу боговъ, и такимъ образомъ получаетъ идею самаго утонченнаго ощущенія; какимъ же образомъ подобная идея можетъ родиться въ головѣ человѣка, небо котораго не знаетъ ничего другого, кромѣ вкуса вуска говядины и стакана джина или эля? Исключенный изъ этого праздника природы, человѣкъ не можетъ наслаждаться о тонкомъ и чувственномъ наслажденіи; онъ не можетъ болѣе его испытать, онъ очерствѣлъ, сдѣлался жестокъ, онъ приспособилъ себя къ требованіямъ и суровости своей среды. Невольно его мысль обращается въ другую сторону, иначе жить не можетъ, такъ какъ онъ не имѣлъ бы времени, чтобы предаваться лѣни и наслаждаться, если бы даже и желалъ того. Дождь, грязь, дурная погода, неблагоприятная почва, враги, съ которыми онъ долженъ постоянно бороться. Кроме того, его внутренняя машина поглощаетъ больше и требуетъ больше серьезныхъ исправленій, она не могла бы дѣйствовать безъ нитокъ и жирной говядины». Оттого, конечно, и в Англиі писатели, которые возставали противъ об-

щество трезвости; они, какъ и Тэнъ, конечно, полагали, что ди этого суроваго климата, когда природа требуетъ отъ такой усиленной дѣятельности, спиртные напитки если и приносятъ большое зло, тѣмъ не менѣе являются печальною необходимостью для поддержанія силы и энергіи въ людяхъ. Тэнъ, сравнивая положеніе англійскаго простолюдина, положеніе, создающее этотъ настойчивый характеръ и закаленную натуру, съ положеніемъ человѣка южныхъ странъ, нѣсколько идеализируетъ послѣднее, за то относительно перваго онъ безусловно правъ. «Бѣдный не несчастенъ на Югѣ, онъ пользуется даромъ самыми лучшими вещами, почти за ничто онъ приобретаетъ все необходимое; между тѣмъ есть столько вещей, которыя необходимы на Сѣверѣ и въ которыхъ онъ вовсе не нуждается: обильная пища, искусственный свѣтъ, топливо, хорошо защищенное отъ непогоды жилище, теплая одежда, часто появляемое бѣлье и все прочее! Здѣсь жалко смотрѣть на парня Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ одѣяніе, жилъе, рубаха, вся фигура англійскаго нищаго; въ Hyde Park'ѣ, въ воскресенье, когда на травѣ садится семья нищихъ, какъ пятно поражаетъ глаза. Имѣйте здѣсь двадцать тысячъ фунтовъ годового дохода или перерѣзываете себѣ горло: вотъ мысль, говоритъ Тэнъ, которая преслѣдуетъ меня, и объявленія въ омнибусахъ во время еще болѣе подстрекаютъ ее, когда я узнаю, что знаменитыя бритвы Murrin'a стоятъ всего одинъ шиллингъ». Чтобы не перерѣзать себѣ горла бритвою въ одинъ шиллингъ, чтобы не опуститься слишкомъ низко и не потерять уваженія окружающихъ, нужно усиленно работать, и при помощи необыкновенной энергіи и изумительнаго труда приобрести себѣ то, что является необходимымъ условіемъ образованія, уваженія, всѣхъ качествъ, изъ которыхъ слагается понятіе о gentleman'ѣ. Необходимость энергической дѣятельности превращается въ привычку, въ національную черту характера, въ необходимость нибудь дѣлать, чѣмъ-нибудь быть занятымъ. Флегматическія пераментъ и отсутствіе чувствительности, тонкихъ нервовъ, даютъ то, что трудъ и, какъ говоритъ Тэнъ, современныя люди теряютъ свое преимущественное свойство: скуку, или, если потерять ее, то становится для нихъ нечувствительнымъ.

Такимъ образомъ, физическія свойства человѣка порождены въ немъ нравственныя качества: энергію, упорство въ трудѣ, необходимость его для каждаго человѣка, желающаго уважаться окружающими. «Работай и содѣйствуй своему делу; иначе ты не человѣкъ, и не имѣешь права жаловаться на себя!» вотъ девизъ, который выработанъ въ Англии и

котораго, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ содѣйствуютъ физическія свойства страны и народа. Отъ мужского типа мы можемъ перейти теперь къ типу англійской женщины и хотъ въ самыхъ общихъ чертахъ указать на особенности, которыя входятъ въ ея характеръ. Сила, здоровье, крѣпкое сложеніе составляютъ точно также, какъ и у мужчинъ, отличительное свойство большинства англійскихъ женщинъ. Качества эти дѣлаютъ то, что несмотря на частую попадающуюся, какъ выражается Тэнъ, вульгарность въ формѣ, общее впечатлѣніе все-таки бываетъ удовлетворительно, какъ самое существенное для живого существа — это здоровое, сильное тѣло. Тэнъ пораженъ тѣмъ рѣзкимъ различіемъ, которое существуетъ между французенкою и англичанкою. Первая болѣею частью существо слабое, пѣжное, неспособное, невидимому, ни на какой физической трудъ; грація, искусственная изящность натуры, вотъ ея отличительныя качества. Когда французенка садится на лошадь, за нее становится страшно, довольно опасаясь, что ея бѣдныя силы не справятся съ животнымъ; когда она выходитъ на улицу, въ суровую погоду, она дрожитъ на встрѣчу громко завывающему вѣтру, можно опасаться, что вѣтеръ повалитъ ее и унесетъ. Французенка — теплолюбивое растение, въ то время, какъ англичанка — это дерево, выросшее на открытомъ воздухѣ, испытавшее вѣтры, бурю, непогоду. Англичанка ничего не боится и не внушаетъ за себя страха и другимъ. Когда она на лошади, можно думать, что живая она не сходила съ нея; англичанка — это самою природою созданная амазонка. Она лучше мужчины будетъ лазить по горамъ, безъ отдыха взбираться на страшную высоту, она не чувствуетъ усталости, незнакома съ опасностью, ей все тринь-трака и другимъ. Когда она на лошади, можно думать, что живая она не сходила съ нея; англичанка — это самою природою созданная амазонка. Она лучше мужчины будетъ лазить по горамъ, безъ отдыха взбираться на страшную высоту, она не чувствуетъ усталости, незнакома съ опасностью, ей все тринь-трака и другимъ. По мнѣнію Тэна, эта сила, здоровье англійской женщины объясняется двоякаго рода причинами. Первая — это природная энергичность — наследственная организація всей расы, другая заключается въ привычкѣ жить на открытомъ воздухѣ и постоянно предаваться физическимъ упражненіямъ. Эти достоинства, на которыя указываетъ авторъ «Notes sur l'Angleterre», не стоятъ рядомъ съ ними онъ указываетъ и на недостатки въ физическомъ строеніи природѣ англійскихъ женщинъ: цвѣтъ лица быстро блѣднѣетъ у множества молодыхъ англичанокъ, носъ весьма краснѣетъ; у нихъ обыкновенно бываетъ много дѣтей и большая часть этого сложеніе ихъ обезображивается. Часто также встречается у нихъ крѣпкомъ и красивомъ тѣлосложеніи, значительно превосходящая, и вы видите предъ собою длинную, высохшую

«спаржу» съ огромными ногами, обутыми въ неуязвимые сапоги и съ бесконечно длинными зубами, выдающимися вперед, которые отталкивают васъ и къ которымъ вы не можете приблизиться. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ типѣ, главную отличительную черту составляетъ все-таки физическая сила, здоровье, и какъ результатъ этой силы, большая смѣлость, неустранимость, рѣшительность, готовность всегда и во всякое время дѣлать надъ собою «усиліе» для достиженія предположеннаго цѣли.

«Сдѣлать усиліе» это важная вещь у англичанъ, это великая способность, они гордятся ею и съ сожалѣніемъ относятся къ людямъ неспособнымъ на такое усиліе. Рисуя типъ английской женщины, Тэнъ имѣлъ бы полное право указать на эту способность къ «усилію» и на это требованіе «усилія», и подтвержденія этой черты онъ могъ бы сослаться на Диккенса, который такъ неподобно изобразилъ эту національную черту въ одномъ изъ своихъ лучшихъ романовъ «Домби и сынъ», именно въ той сценѣ, въ которой онъ описываетъ послѣднія минуты умирающей матери маленькаго наслѣдника знаменитой фирмы «Домби и сынъ». Г-жа Домби страдаетъ, а ей говорятъ: «сдѣлайте усиліе надъ собою, сдѣлайте усиліе!» Г-жа Домби находится въ предсмертной агоніи, а родные, окружающіе ее, даже самъ мужъ обращаются къ пей со словами: «сдѣлайте надъ собою усиліе!» Наконецъ, г-жа Домби умерла, и первое слово, которое вырывается у родныхъ, это не слово сожалѣнія, не слово грусти, скорѣе слово упрека: «бѣдная женщина, говорятъ они, какъ жаль ее, она не была способна сдѣлать надъ собою усиліе! Усиліе, усиліе, усиліе—вотъ слово, которымъ опредѣляется такая, характерная черта английской женщины.

Если сила, здоровье, физическая крѣпость составляютъ главное свойство мужчины и женщины въ Англіи, и сплошь и рядомъ, чтобы не сказать какъ общее правило, являются въ умственномъ развитіи, то естественно, что и дѣти отличаются тѣми же качествами. Тэна поражаютъ красныя щеки, тонкая кровь съ молокомъ, англійскаго ребенка, онъ съ удивленіемъ останавливается передъ крѣпостью тѣла, толщиной дѣтей, останавливается передъ такими же коренастыми людьми, какъ являются ихъ отцы и матери. Около семи лѣтъ и позже у нихъ преобладаетъ далеко не умственное развитіе, нѣтъ, въ нихъ преобладаетъ физическая и нравственная энергія. У этихъ дѣтей мало нѣжности, къ нимъ не чувствуешь какой-то жалостливую возбуждаетъ въ себѣ беззащитность и какое-то безпомощное состояніе ребенка; они не привлекаютъ своимъ ласковымъ

ласковымъ, надъ ними нечего дрожать, у большинства дѣтей какой-то сердитый, неподпускающій къ себѣ видъ; глядя на нихъ, думаешь, по выраженію Тэна, «о молодыхъ щенкахъ». Всѣ животныя инстинкты чрезвычайно сильно развиты въ немъ, «у него слишкомъ много здоровья, книги ему противны, онъ не можетъ и не можетъ учиться. Онъ предпочитаетъ ѣсть, боксировать, играть въ крикетъ, ѣздить верхомъ». Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ конечно въ силу своихъ физическихъ качествъ, англійскій ребенокъ обладаетъ тою же неустранимостью, упрямствомъ въ своихъ желаніяхъ, смѣлостью, способностью переносить всякое физическое утомленіе и другою чисто англійскою способностью «сдѣлать усиліе». Онъ жаждетъ борьбы и никогда и ни въ чемъ не хочетъ уступать. «Въ концѣ концовъ,—говоритъ Тэнъ, дѣлая выводъ,—для меня не подлежитъ сомнѣнію, что животное съ физической стороны, что примитивный человѣкъ, такой какъ онъ, природа отдастъ его въ руки цивилизаціи, здѣсь несравненно болѣе сильной и крѣпкой породы».

Оканчивая обзоръ всѣхъ типовъ, нопадающихся въ Англіи, Тэнъ дѣлаетъ въ нѣсколькихъ строкахъ какъ бы резюме всего сказаннаго, и въ резюме такъ рельефно отлился внѣшній характеръ огромнаго большинства англійскаго народа, что на немъ можно остановиться и призадуматься. «Когда въ восемь часовъ утра,—пишетъ Тэнъ,—на дебаркадерѣ железной дороги останавливаешься передъ толпою людей, возвращающихся изъ деревни для своихъ ежедневныхъ занятій, или когда выйдешь по одной изъ дѣловыхъ улицъ, то невольно поражаешься количествомъ лицъ, которыя обнаруживаютъ этотъ типъ холодной упорной воли. Они идутъ прямо, двигаясь прямолинейно, не останавливаясь по сторонамъ, не развлекаясь, всецѣло отданные своему дѣлу, какъ автоматы, толкаемые пружиною. Большая костлявая фигура, съ блѣднымъ цвѣтомъ лица, часто пожелтымъ или свинцовымъ, съ строгимъ взглядомъ, все, до ихъ перпендикулярной манеры широкой и толстой обуви, до ихъ зонтика всаженнаго въ землю и который они носятъ какъ-то особо, все указываетъ на человѣка нечувствительнаго къ идеямъ роскоши или удовольствія и занятаго исключительно мыслию какъ можно скорѣе сдѣлать усиліе и занятого исключительно мыслию какъ можно скорѣе сдѣлать усиліе. Иногда встрѣчаешь Питта, повелительную и неподвижную тонкую фигуру, съ блѣдными и горящими глазами, взоръ, который скрываетъ въ себѣ блескъ неподвижнаго блеска шпаги; человѣкъ съ болѣе тонкаго закала, но его воля вслѣдствіе этого является болѣе рѣзкою и сурою; это желѣзо, превратившееся въ сталь. Впечатлѣніе достигаетъ самой высшей степени, когда

это выраженіе попадаетъ на лицѣ молодой дѣвушки; я видѣю его много разъ, и тонъ, слово, мысль были въ гармоніи; не проходитъ и двухъ минутъ, что вы чувствуете точно лезвіе ножа четыре раза изъ пяти, говорить онъ далѣе, англійскій типъ представляется слѣдующимъ: у женщины бросается въ глаза способность переносить много, и часто выраженіе, лицо, которое говоритъ, что многое перенесено въ жизни; отсюда все отливается въ пей какой-то покорностью, или чѣмъ-то погасшимъ или упорствомъ, которое заставляетъ сказать: *She has made up her mind*; у мужчины выступаетъ наружу способность много работать, долго напрягать свои силы, печать продолжительнаго и упорнаго вниманія, вытянутыя черты лица, нисколько не набухшія и не мечтательныя, челюсть сжатая, лицо неподвижное, «steadfastness». Избытокъ этой способности и этого рвения жизни обнаруживается вездѣ, и главнымъ образомъ въ рабочихъ классѣ. Среди работниковъ и деревенскихъ *day labourers* у большаго числа лица вялыя, блѣдныя, изпуренныя, усталостью, заставляющія думать объ изволичьихъ клячахъ, которыя стоятъ разставивъ свои четыре ноги терпѣливо и неподвижно, въ то время когда дождь падаетъ ручьями по ихъ исхудалымъ бокамъ. Волосы посѣдѣли и падаютъ рѣдкими клочьями, ротъ остается полуоткрытымъ, точно отъ непроизвольнаго ослабленія мускуловъ; глазъ точно лишился взгляда. Челюсть еще движется; но кажется, что онъ движется только въ старое ствѣ пріобрѣтенной привычки; онъ превратился въ машину. Когда лицо такого человѣка получаетъ на минуту выраженіе, кажется, что онъ пробудился отъ тяжкаго сна. *Wear and tear of life*, истощеніе существа, обремененнаго самымъ тяжелою ношею, надорваннаго и оцѣпенѣлаго еще больше поражаетъ въ женщинѣ. Подчасъ, когда заходишь къ нимъ, когда обращаешься къ нимъ съ вопросомъ, ихъ уста стараются найти улыбку. Когда видишь эту попытку улыбнуться, тогда невольно и съ тяжкимъ сердцемъ отворачиваешь въ сторону глаза!»

Вотъ во что въ концѣ концовъ превращаются эти крѣпкія и здоровыя натуры, вотъ что ожидаетъ эти геркулесовскія силы, вотъ что значитъ «дѣлать усиліе», чтобы протиснуться въ жизнь и занять мѣсто среди своихъ ближнихъ. Кто не сомневается, что тутъ есть почему задуматься и поразмыслить этимъ картиннымъ, но тяжелымъ описаніемъ вѣшняго вида человѣка, котораго природа богато надѣлила физическими способностями. Англія по праву гордится страшною массою производимаго ею труда; но не слишкомъ ли дорогою цѣною для

этого страны оплачивается этотъ трудъ? Нѣтъ организма, какъ бы крѣпокъ, какъ бы силенъ бы онъ былъ, который въ концѣ концовъ не падала бы отъ излишняго изнуренія и непосильной ноши.

IV.

Отъ этой вѣшней стороны, отъ этого вѣшняго вида англичанъ обратимся теперь къ главной, самой важной сторонѣ народной жизни, къ внутреннему быту, и посмотримъ прежде всего, какими представляются эти сильныя, упорныя, настойчивыя, дѣятельныя натуры въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ ихъ семейной обстановкѣ, среди того, чѣмъ они такъ гордятся и что такъ мѣтко характеризуется однимъ словомъ «home».

«Нація, которая, подобно англійской націи, постоянно погружена въ бурю безостановочныхъ дѣлъ,—говоритъ одинъ изъ писателей, наиболѣе близко знакомыхъ съ англійскою жизнью, именно Эскиросъ, авторъ многотомныхъ этюдовъ подъ названіемъ: «*L'Angleterre et la vie anglaise*»,—необходимъ былъ якорь, такимъ якоремъ является семья. Семья занимаетъ крупное мѣсто въ англійской жизни... Англичанинъ у себя дома то же, что и на своемъ островѣ: недоступенъ, или мало доступенъ, сдержанъ, холоденъ: онъ не позволяетъ навязывать себѣ отношенія съ тѣми или другими людьми, онъ выбираетъ себѣ знакомыхъ; когда ледъ проломанъ, нельзя не видѣть тогда, что у него доброе, великодушное сердце. Точно то же происходитъ и въ взаимныхъ отношеніяхъ членовъ семьи; отсутствіе слова «ты», изъясненнаго изъ языка (съ нимъ только обращаются къ Богу), бросаетъ какой-то отпечатокъ холодности и индифферентизма на семейное отношеніе, по приглядывался, скоро замѣчаешь подъ суровыми формами большую внутреннюю теплоту...» Вотъ этому «home», этому «якорю», этимъ взаимнымъ отношеніямъ членовъ семьи Тэнъ посвящаетъ третью главу своей книги, и если онъ говоритъ съ Эскиросомъ въ мнѣніи, что «когда ледъ проломанъ», то отношенія съ англичанами становятся весьма приятны; записка, которая онъ разбрасываетъ по поводу чисто семейныхъ отношеній, дѣтей къ родителямъ, родителей къ дѣтямъ, не говорятъ объ особенной теплотѣ въ этихъ отноше-

Хотя претенціозную фразу: «лицо есть зеркало души», обыкновенно, и не безъ основанія, произносятъ не иначе какъ съ улыбкой, и хотя въ жизни она силовъ и рядомъ получаетъ

блистательныя опроверженія, но тѣмъ не менѣе она не лишена смысла, и подчасъ нельзя не признать ея справедливости. Каждому человѣку приходилось судить о нравственной сторонѣ: человѣка по его внѣшнему виду, и каждому конечно приходилось убѣждаться, что внѣшняя сторона человѣка стоитъ иногда въ весьма тѣсной связи съ его внутреннею стороною. Живая внѣшность француза отвѣчаетъ его внутренней живости, легкости сонная, нѣсколько заспанная фигура русскаго говоритъ о его исторической лѣни и апатіи; педантическое и самодовольное выраженіе нѣмца какъ нельзя болѣе въ большей степени должно быть сказано и про англичанина. Его внѣшность ярко отражаетъ въ себѣ внутренняго человѣка; энергическій, настойчивый, упорный, холодный на видъ, онъ и въ жизни является со всѣми этими атрибутами; въ немъ нѣтъ мягкости, онъ не знаетъ чувствительности, вмѣсто искренней нѣжности у него подчасъ является какая-то сладковатость, дѣланная сантиментальность, чему подтвержденіемъ можетъ служить чуть не вся англійская литература. Когда романистъ, и изъ самыхъ крупныхъ, хочетъ представить типъ человѣка нѣжнаго, чувствительнаго, ему почти никогда это не удастся, у него является приторно-сладкая фигура, и отчего? оттого, что самой природѣ англичанина чужды эти стороны, сама жизнь исключаетъ эти свойства. Хорошо или дурно, это опять другой вопросъ; вѣрнѣе, что хорошо, если судить по другимъ народамъ. Тѣ народы, у которыхъ въ характерѣ много мягкости, чувствительности, тѣ продолжаютъ битися какъ рыба объ ледъ, устраивая свою жизнь; холодный же и стуровый, нѣсколько безсердечный англійскій народъ давно устроилъ свою государственную жизнь такъ, какъ дай Богъ кому народу. Съ цѣлымъ народомъ то же что и съ отдѣльными людьми. Холодный, безсердечный, эгоистическій человѣкъ въ большинствѣ случаевъ несравненно счастливѣе мягкаго, нѣжнаго, чувствительнаго человѣка, который мѣшается во всякой горѣ, во всякое несчастіе, который страдаетъ чужимъ страданіемъ. Идеалисты и реалисты—вотъ двѣ большія группы, на которыя раздѣляются всѣ люди, всѣ народы земного шара. Французы, взятые вмѣстѣ, какъ цѣлый народъ, безспорно принадлежатъ къ группѣ идеалистовъ, Англія и англичане къ группѣ реалистовъ. Идеалистовъ больше любишь, больше сочувствуешь съ ними теплѣе живется, но самому лучше принадлежать къ группѣ реалистовъ, потому что послѣднимъ лучше и спокойнѣе живется, нежели первымъ.

Посторонняго человѣка, вступающаго въ англійское общество,

ство, въ англійскую семью, непріятно поражаетъ холодность, сдержанность, отсутствіе мягкости, какая-то даже суровость; но вѣдь люди живутъ для себя, а не для другихъ, а потому англичанъ нужно спросить, довольны они или нѣтъ своею внутреннею, семейною жизнію. Оказывается на дѣлѣ, что они какъ нельзя болѣе довольны, и еслибы можно было путемъ статистическихъ данныхъ рѣшить вопросъ: болѣе или менѣе счастлива внутренняя семейная жизнь въ Англіи, чѣмъ въ другихъ странахъ, то во всей вѣроятности, вопросъ былъ бы рѣшенъ не противъ Англіи.

Тэнъ прежде всего обращается къ нравамъ и характеру англійской женщины, быть можетъ основательно полагая, что женщина—жена и мать—является такъ сказать краеугольнымъ камнемъ зданія семьи. Счастье семейной жизни гораздо болѣе обеспечивается женщиной, нежели мужчиной. На женщинѣ въ современной семьѣ лежитъ гораздо больше обязанностей, нежели на мужчинѣ. Мужъ, отецъ, главнымъ образомъ поглощенъ матеріальными заботами; на женѣ, на матери лежатъ нравственныя заботы. Узелъ семьи заключается въ дѣтяхъ, дѣти же до десятилѣтняго возраста, т-е. весь тотъ періодъ, въ теченіи котораго изъ нихъ какъ изъ воска можно лѣпить ту или другую фигуру, всецѣло находятся на попеченіи матери, всецѣло испытываютъ вліяніе женщины. И какое вліяніе! самое прочное, самое глубокое, которое не изглаживается въ теченіи цѣлой жизни. Женщина бросаетъ въ ребенка сѣмена, изъ которыхъ должно вырасти и широко раскинуться то или другое дерево; вотъ почему важно, чтобы женщина какъ можно скорѣе перестала быть куклою, а сдѣлалась «человѣкомъ»; вотъ почему такъ называется «женскій вопросъ», который еще такъ недавно казался «солиднымъ» людямъ какимъ-то сумасбродствомъ, какою-то бреднею шальныхъ людей, такъ шибко подвинулся впередъ въ общественномъ сознаніи цивилизованной Европы.

Англійская женщина въ большинствѣ случаевъ не кукла. Тэнъ, который всадѣ почти ведетъ параллель между Франціей и Англіей, отдаетъ безусловное предпочтеніе англійской женщинѣ. Дѣвушка, конечно, тутъ можетъ идти рѣчь только о болѣе или менѣе достаточныхъ классахъ, среди которыхъ ребенокъ двѣнадцати лѣтъ можетъ даже и раньше не долженъ уже становиться работникомъ, — получаетъ несравненно лучшее воспитаніе и образованіе чѣмъ во Франціи. Онѣ учатся языкамъ и учатся настолько, что въ старости читаютъ въ оригиналѣ Данте, Шиллера, Гете, французскихъ классиковъ; ихъ обучаютъ немного и латинскому языку, настолько, чтобы онѣ могли впоследствии оказывать помощь своимъ

дѣтямъ. Онѣ много занимаются естественною исторіею, ботаникою, минералогіею, геологіею; во время путешествій, прогулокъ въ деревнѣ, на берегу моря онѣ собираютъ травы, минералы, дѣлаютъ коллекціи, онѣ постоянно заняты, постоянно приобрятаютъ новыя свѣдѣнія. Въ жизни, однимъ словомъ, и съ самыхъ первыхъ шаговъ, серьезный элементъ играетъ большую роль, онѣ привыкаютъ серьезно смотрѣть на жизнь, онѣ всѣ приготовляются занять извѣстное положеніе въ обществѣ, полагаютъ, налагающее весьма серьезныя обязанности. Онѣ знаютъ очень хорошо, что выходя замужъ онѣ не выполнили еще своего назначенія, что это только начало, но что далѣе, когда онѣ станутъ матерями, отъ нихъ потребуются выполнение иной задачи, тяжелой задачи сдѣлаться разумною матерью, разумною воспитательницею своихъ дѣтей. Вотъ отчего здѣсь рѣдко бываетъ чтобы семнадцатилѣтняя дѣвушка, умная, способная не знала что дѣлать съ собою и бросаась изъ одного угла въ другой повторяла: «мнѣ скучно, что мнѣ дѣлать», какъ часто бываетъ и съ французскою, да и съ русскою дѣвушкою.

Рядомъ съ этимъ англійская дѣвушка пользуется гораздо большею свободою, нежели въ любой другой странѣ Европы. Тутъ дѣвушка преспокойно одна выходитъ на улицу, одна гуляетъ среди многолюднаго Лондона, и никого это не шокируетъ, никто не приставляетъ къ ней пятекъ. Но свобода тутъ и не особенно навливается. Точно также онѣ пользуются несравненно большею свободою въ обращеніи съ мужчинами; никто не захочетъ оскорбить ихъ тамъ, оскорбляя вмѣстѣ съ тѣмъ и мужчину, отпускающая ихъ сдѣлать два шага вмѣстѣ. «Въ деревнѣ, — разсказываетъ Тэпъ, — послѣ двухдневнаго пребыванія, меня просятъ дать руку молодой дѣвушкѣ, дочери хозяина дома, и просятъ прощайте ее за милую». Въ другой странѣ такое простое человѣческое обращеніе подняло бы гвалтъ на двадцать верстъ въ округѣ, здѣсь же никому не проходить въ голову, чтобы могло быть иначе. Эта простота въ обращеніи съ мужчинами дѣлаетъ то, что въ англійской дѣвушкѣ нѣтъ вовсе кокетства, она какъ нельзя болѣе естественна, и всѣ ея помыслы не сосредоточены на томъ, какъ бы «иллѣнить своими прелестями» человѣка. Въ простотѣ кроется большая любезность, общительность. «Безъ разговариваешь здѣсь съ женщиною, — замѣчаетъ Тэпъ, — то ты не чувствуешь себя усвоеннымъ, тропутымъ, униженнымъ, несчастнымъ; онѣ относятся къ вамъ дружески, съ милымъ вниманіемъ, и какая добрая и спокойная улыбка! Никакой другой мысли; намѣреніе, выраженіе — все открыто, естественно; онѣ такъ и такъ выставляютъ себя гораздо лучше нежели онѣ кажутся».

французженки; нѣтъ тутъ смутнаго опасенія быть судимымъ, оскорбленнымъ; вы не приходите здѣсь въ столкновеніе съ отточенымъ, произительнымъ, острымъ умомъ, который однимъ ударомъ разрѣжетъ васъ на четыре части; вы не встрѣчаетесь здѣсь съ милымъ, требовательнымъ, съ соскучившимся воображеніемъ, которое требуетъ отъ васъ анекдотовъ, пикантности, блеска, забавы, лести, всевозможныхъ приностей, и тотчасъ бросается, какъ только у васъ нѣтъ сластей, которыми вы могли бы предложить. Разговоръ здѣсь не походитъ ни на дуэль, ни на кристаллище; вы можете излагать ваши мысли безъ всякихъ прикрасъ, а такъ просто, какъ онѣ есть; тутъ имѣешь право быть простымъ, чѣмъ челоѣкъ бываетъ въ дѣйствительности — обыкновеннымъ челоѣкомъ. Можно даже, нисколько не паскучая и не имѣя видъ педанта, толковать объ очень серьезныхъ вопросахъ, получать отъ женщины весьма положительныя свѣдѣнія, разсуждать съ ней точно также какъ съ мужчиною». Правда, рядомъ съ этимъ, англійчанка одѣвается сама безъ вкуса, она нацѣпнута на себя красное, зеленое и голубое платье за-разъ, дурно пригнанное, дурно сшитое; она явится передъ вами въ уродливыхъ сапогахъ, однимъ словомъ, лишенная вкуса; она постарается себя изуродовать насколько возможно, вы не найдете въ ней французской граціи, польской удалы, русской распущенности и нѣмецкой кухонной сантиментальности; но согласитесь, что съ этимъ можно примириться и что отсутствіе вкуса не есть уже такое большое несчастье.

Серьезная подготовка къ жизни дѣлаетъ то, что дѣвушка не становится несчастною; не выходя замужъ и оставаясь старою дѣвою, не усваиваетъ себѣ того глубоко-отвратительнаго характера, который составляетъ принадлежность большей части старыхъ дѣвъ, переставшихъ жить прежде, чѣмъ онѣ умерли. Въ Франціи, въ Россіи старая дѣва это нѣчто особенное, неприемлемое почти ни къ какому полу, это существо, которое не имѣетъ никакой цѣли, кромѣ развѣ злословія, которое не имѣетъ никакого смысла въ жизни. Оно и понятно. Когда съ молодыхъ малыхъ лѣтъ дѣвушкѣ не переставали твердить: ты выйдешь замужъ, ты должна выйти замужъ! когда ее приготовляли къ тому, чтобы изъ mademoiselle X сдѣлаться madame Y, то не въ чему другому, то естественно, что, не выходя замужъ, она сбивается съ колеи и превращается въ сухую, злую и презрительную «старую дѣву». Въ Англійи вовсе не то. Нельзя сказать, чтобы и въ Англійи дѣвушки не стремились выйти замужъ, но совершенно понятно; но не выходя замужъ, оставаясь старою дѣвою, онѣ не теряются въ жизни и не превращаются

въ живыхъ мумій. Оставаясь въ семьѣ, онѣ не обременяютъ ее, не обременяютъ потому— что онѣ становятся немедленно полезны: онѣ могутъ учить дѣтей, онѣ заняты, одна тѣмъ, другая другимъ; онѣ дѣлаются членами различныхъ ассоціаций, различныхъ комитетовъ, существующихъ не потому только, чтобы на нихъ была мода, а потому, что они являются дѣйствительною потребностью, и потому, что женщины желаютъ приносить истинную пользу, не помышляя вовсе о томъ, что это даетъ имъ извѣстное положеніе въ свѣтѣ, которымъ онѣ могутъ гордиться и рисоваться. Ни въ какой странѣ нѣтъ столько женщинъ писательницъ, какъ въ Англіи, и это разумѣется должно быть объяснено не тѣмъ, что талантъ, талантъ прирожденный, чаще попадаетъ здѣсь среди женщинъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, а просто лучшею подготовкою, болѣе серьезнымъ образованіемъ. Не все что пишутъ женщины въ Англіи талантливо, но почти все полезно. Тэнъ приводитъ цѣлый списокъ женскихъ именъ, которыя довольно извѣстны въ литературѣ, и извѣстны не романами, а серьезными, научными трудами. «Всѣ эти статьи, — говоритъ Тэнъ, — полезны и поучительны; привычка слѣдить за уроками, посѣщать бѣдныхъ, разсуждать съ серьезными людьми, изученіе, личное наблюденіе надъ фактами принесли свои плоды; онѣ умѣютъ наблюдать и разсуждать; онѣ проникаютъ въ самую сущность вещей и понимаютъ истинныя основы всякаго улучшенія... Нельзя быть исправленнымъ, улучшеннымъ иначе какъ черезъ самого себя; инициатива, личное усиліе, self-governement необходимы; нравственное правило не должно быть налагаемо извнѣ, оно должно исходить изъ самого человѣка. Тотъ, кто читалъ англійскіе романы, замѣчаетъ: Тэнъ, знаетъ съ какою точностью и вѣрностью эти писательницы описываютъ характеры; часто женщина, которая жила въ деревнѣ, въ маленькомъ кружкѣ, занятая семейными заботами, вынуждена писать повѣсти, чтобы заработать себѣ кусокъ хлѣба, и тогда обнаруживается, что она лучше постигла человѣческую жизнь, чѣмъ иной психологъ по профессіи. Быть образованною, ученою, полезною, выработать себѣ убѣжденія, передавать ихъ другимъ, съ пользою употреблять свои силы, — это чего-нибудь да стоитъ. Можно смѣяться, если угодно, можно говорить, что нравы эти создаютъ гувернантокъ, педантокъ, «синіе чулки», но не женщинъ. Сколько хотите! но сопоставьте рядомъ съ этою пустою провинціальною праздною, скуку нашихъ дамъ, жеманство старой дѣвушки, которая выводитъ канареекъ, разноситъ слезы, вяжетъ и не пропускаетъ ни одного богослуженія». Во всякомъ случаѣ, своимъ достоинствомъ она исключительно обязана серьезной подготовкѣ въ жизни, надъ которою никто не смѣетъ

противъ которой никто тупоумно не возстаетъ. По природнымъ способностямъ англійская женщина нисколько не выше другихъ европейскихъ женщинъ; во многихъ отношеніяхъ по природѣ французская да и русская женщина стоятъ выше англичанки; но во Франціи, къ несчастію, слишкомъ часто думаютъ, употребляя мѣткое выраженіе Тэна, что женщина, переставая быть клякою, перестаетъ быть и женщиною, въ Россіи же стремленіе женщинъ стать на одну ногу съ мужчинами охотно влеймятъ какою-нибудь глупою клякою, и въ каждой работающей женщинѣ не прочь заподозрить какую-нибудь Кукшину.

Такимъ образомъ, серьезно подготовленная къ жизни и не мертвящая при одной мысли остаться «старою дѣвою», англичанка не дѣлаетъ изъ брака единственнаго помысла своей жизни и вступаетъ въ него не потому только, что иначе она не будетъ знать что съ собою дѣлать. Свободная въ обращеніи съ мужчинами, она, встрѣчая человѣка, который ей нравится, сходится съ нимъ, сближается, много говоритъ, они узнаютъ другъ друга, и когда идутъ подъ вѣнецъ, то идутъ не чужими. Если въ Англіи случается сплошь и рядомъ, что мужчина и дѣвушка остаются женихомъ и невѣстою въ продолженіи многихъ лѣтъ, за то весьма рѣдки случаи, обыденные въ континентальной Европѣ, что человѣкъ является въ домъ, побывавъ нѣсколько разъ, переболсался нѣсколькими фразами о погодѣ, театрѣ и т. п. съ дѣвушкою, и затѣмъ прямо въ церковь. Но если хороша жизнь дѣвушки, пользующейся въ дѣвичествовѣ полною свободою, если жизнь дѣвушки стоитъ неизмѣримо выше жизни дѣвушки въ континентальной Европѣ, то нельзя сказать того же о жизни замужней женщины. Счастливая пора тутъ оканчивается и начинается жизнь зависимая, подчиненная, женщина теряетъ свою самостоятельность и попадаетъ въ положеніе худшее, нежели положеніе европейской женщины. Въ имущественномъ отношеніи онѣ совершенно подчинены своимъ мужьямъ, состояніе жены совершенно переходитъ въ руки мужа, а имущественная зависимость заключаетъ въ себѣ такую силу, что она влечетъ общую нравственную зависимость и подчиненность. Мужъ является въ полномъ смыслѣ главою дома, часто деспотическимъ главою; онъ требуетъ себѣ полнаго подчиненія и третируетъ свою жену какъ главную экономку своего дома и главную гувернантку своихъ дѣтей. Тутъ именно проявляется та внутренняя зависимость англичанъ, которая отражаетъ и ихъ внѣшнюю физиономію. «Мужъ, — говоритъ Тэнъ, — господинъ (lord), и очень часто онъ принимаетъ этотъ титулъ весьма серьезно; такъ какъ онъ не приноситъ большею частью своего состоянія, то онъ

считаетъ себя въ правѣ ничего не говорить ей о своихъ дѣлахъ. Очень часто жена не знаетъ, какъ и чѣмъ занимается ея мужъ, какъ онъ наживаетъ деньги, онъ даетъ столько-то въ мѣсяцъ на расходы, и объ остальномъ не говоритъ. Онъ спекулируетъ, строитъ, покупаетъ, продаетъ, это все до нея не касается, и часто наступаетъ разореніе безъ того, чтобы жена могла даже предчувствовать его. Она не болѣе какъ экономка, она должна заниматься своимъ хозяйствомъ и своими дѣтьми. Въ болышинствѣ случаевъ женщина подчиняется этой роли; вслѣдствіе воспитанія и внутренняго сознанія своихъ обязанностей, она тиха и покорна. Нельзя не сказать, что если женщина, выходя замужъ, что должно быть и что въ дѣйствительности представляется общимъ правиломъ, превращается въ не что иное какъ экономку и гувернантку своихъ дѣтей, то серьезная подготовка къ жизни, на которую Тэнъ выдаетъ дипломъ англійской женщины, едва ли достигаетъ своей цѣли, такъ какъ стряпая кухня, обмывая дѣтей и обучая ихъ чтенію, первымъ правиламъ арифметики и даже латинскому языку, едва ли женщина выполняетъ этимъ все свое назначеніе въ обществѣ.

Если таково отношеніе мужа къ женѣ, то не лучше отношеніе мужа, отца, однимъ словомъ, главы семейства ко всѣмъ остальнымъ домашнимъ. Отношенія эти представляются крайне несимпатичными, хотя быть можетъ онѣ обезпечиваютъ болышую сумму счастья, чѣмъ въ другихъ странахъ. Обращаясь съ женщиною какъ съ подчиненнымъ, зависимымъ существомъ, а не съ равнымъ себѣ человѣкомъ, англичанинъ является по отношенію къ своимъ дѣтямъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, тѣмъ же холоднымъ lord'омъ, или какъ дѣти называютъ отца governo'омъ. Какъ образчикъ холодныхъ отношеній между родителями и дѣтьми, Тэнъ приводитъ такой случай: у одного богатаго человѣка, принадлежащаго къ старой фамиліи, было сколько человѣкъ дѣтей; одинъ изъ нихъ страдаетъ чахоткою. Возвращаясь изъ Ниццы, юноша останавливается въ Булонѣ, ему хотѣлось бы возвратиться домой, чтобы умереть тамъ, гдѣ онъ родился, но онъ не рѣшается. Онъ не смѣетъ пріѣхать въ своему отцу, не получивъ приглашенія, не испросивъ своей разрѣшенія. Мать его, тоже больная, которой страстно хочется поскорѣе увидѣть и поцѣловать своего сына, не смѣетъ безъ позволенія поѣхать на встрѣчу сына.... Лучшее этого кончается ничемъ не придумаешь. Можно сказать, что это частный случай, что подобное уродство исключеніе; нѣтъ, это въ нравахъ англійской семьи; быть можетъ, этотъ случай, такое возмутительное по-уродливое отношеніе отца къ сыну принадлежитъ къ остальнымъ

бенно рельефнымъ, особенно обрисовывающимъ эти нравы слушателямъ, но сбавьте съ него на половину и все-таки довольно. Такія холодныя отношенія между отцомъ и дѣтьми распространяются и на другихъ членовъ семьи; холодъ, сдержанность, эгоизмъ являются и въ отношеніяхъ братьевъ между собою, точно также какъ скрытность, хотя и съ болышимъ почтеніемъ, въ отношеніяхъ между матерью и дѣтьми. Кака въ самомъ дѣлѣ можетъ быть близость между братьями, когда съ самыхъ раннихъ лѣтъ между двумя братьями проводится рѣзкое различіе: одинъ получаетъ состояніе, титулъ, если онъ есть, одинъ пользуется всѣми преимуществами; другой самъ долженъ прокладывать себѣ дорогу и считать справедливымъ, что брату его все достанется безъ труда, въ то время, когда онъ, работая цѣлую жизнь, быть можетъ ни до чего не добьется. Близкія отношенія въ семьѣ невольно исчезаютъ. Являются если не зависть, то ропоть. Это слишкомъ человѣчно, чтобы требовало объясненія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и конечно въ силу такой оффиціальности въ отношеніяхъ англійской семьи, дѣти рано получаютъ независимость, самостоятельность. Всѣ младшіе, обязанные сами зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, разбѣгаются по разнымъ частямъ свѣта: одинъ въ Австралію, другой въ Америку, третій въ Индію, и разбѣгаются для того, чтобы можетъ быть никогда болѣе не увидѣться, а если и увидятся, встрѣтятся на своей родной землѣ черезъ двадцать, тридцать лѣтъ, то для того только, чтобы встрѣтиться какъ бы чужими. Отсутствие теплоты, сердечности, необыкновенная сдержанность, замкнутость—вотъ отличительная черта англійскихъ семей, и намъ, привыкшимъ жить на распашку, намъ, обладающимъ «горячимъ сердцемъ», намъ, любящимъ залѣзать въ душу не только родного, но просто знакомаго, весьма естественно, что подобныя оффиціальныя отношенія должны быть не по-путру. Но чтобы быть справедливымъ, нельзя не сказать, что если мы грѣшимъ въ одну сторону, то англичане грѣшатъ въ другую, и ихъ семейныя отношенія не вызываютъ сочувствія. Привычка сдерживать себя въ Англии развита до необыкновенныхъ размѣровъ; сынъ никогда не рѣшится откровенно рассказать своей матери то, что у него лежитъ на сердцѣ, и этотъ отношеніи разница между Англійей и, напр., Франціей или Россіею огромна. Въ послѣднихъ странахъ сынъ все рассказываетъ матери, мать все знаетъ, сынъ не стѣсняется передъ матерью говорить даже о своихъ сердечныхъ, любовныхъ дѣлахъ. Въ Англии, замѣчаетъ Тэнъ, это немыслимо: «имъ чужды эти безконечныя разговоры, эти полныя изліянія, гдѣ различіе лѣтъ возмѣщаетъ различіе пола, гдѣ сынъ, вступающій въ свѣтъ, на-

ходить въ матери самаго драгоценнаго совѣтника и дорогого друга». Между родителями и дѣтьми нѣтъ, однимъ словомъ, той близости, которая существуетъ между ними въ другихъ странахъ, и отсутствіе ея ведетъ къ тому, что дѣти весьма рано стремятся стать на свои ноги и приобрѣтаютъ въ шестнадцатилетнемъ возрастѣ полную независимость. Въ тѣ года, когда у другихъ европейскихъ народовъ мальчикъ находится еще на полномъ попеченіи родителей, въ Англіи онъ уже человѣкъ, сплошь и рядомъ покидаетъ родительскій домъ и отправляется по свѣту искать себѣ счастья.

Если сдержанность и холодность такъ рѣзко бросаются въ глаза въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, то что же сказать объ отношеніи англичанъ къ тѣмъ «чужимъ», которые все-таки такъ или иначе примыкаютъ къ домашнимъ, т.-е. къ учителямъ, гувернанткамъ и наконецъ къ прислугѣ. Кому сколько-нибудь знакомы англійскіе романы, тотъ хорошо знаетъ какъ чванливо, презрительно-холодно, какъ негуманно относятся англичане къ людямъ, которые являются помогать имъ въ воспитаніи и образованіи ихъ дѣтей. Сколько ни предавали осмѣянію, позору, сколько ни клеймили эту печальную сторону ихъ домашней, внутренней жизни—обращеніе съ домашними не родными, ничто не помогаетъ, и англичане до сихъ поръ не могутъ отрѣшиться отъ того, чтобы не смотрѣть на людей, вступающихъ въ ихъ дома за плату, какъ на людей отверженныхъ, недостойныхъ не только уваженія, но простого человѣческаго обращенія. Тэнъ, упоминая объ этихъ отношеніяхъ, не прибавляетъ къ тому, что такъ хорошо извѣстно, ничего новаго; и какъ ни хладнокровно относится онъ ко всему, что проходитъ передъ его глазами, но и онъ не можетъ удержаться, чтобы не высказать, какъ «тяжело видѣть подобное отношеніе одного человѣка къ другому человѣку».

Говоря объ англійской семьѣ, о внутренней, домашней жизни англичанъ, слѣдуетъ коснуться еще тѣхъ отношеній, которыя зовутся незаконными, но которыя имѣютъ па законныя отношенія такое огромное вліяніе. Оно и понятно. Законныя и незаконныя отношенія такъ часто между собою переплетаются. Эти незаконныя, вѣнчанныя отношенія играютъ во всей современной Европѣ, да впрочемъ, и всегда играли такую роль, что пройти ихъ молчаніемъ было бы рѣшительно невозможно. Нужно, впрочемъ, сказать, что незаконныя отношенія въ Англіи играютъ меньшую роль, чѣмъ въ какой-нибудь изъ другихъ странъ Европы, и въ этомъ не трудно убѣдиться. Литература отражаетъ въ себѣ нравы общества, и потому литература можетъ служить доказательствомъ

Возьмите же для разрѣшенія этого вопроса англійскую литературу и сравните ее съ какою хотите, ну хоть съ французскою, или даже русскою. Возьмите на выдержку десять французскихъ романовъ, десять французскихъ комедій или драмъ, и вы можете быть увѣрены, что въ девяти изъ нихъ, если не во всѣхъ десяти, вы найдете описаніе такъ-называемой «преступной связи». Она вездѣ играетъ главную роль, и смѣло можно назвать исключеніемъ тотъ романъ или то сценическое произведеніе, которое обходится безъ любовницы или любовника, безъ обманутаго мужа или обманутой жены. Вся эта «преступная» литература, доведенная въ послѣднее время до геркулесовыхъ столбовъ, весь тотъ ливень романовъ, драмъ, книгъ, въ видѣ «L'homme-femme», «L'homme», «Femme» и т. п., въ которыхъ умными и честными писателями предлагаются глупыя и безчестныя средства для того, чтобы внести во французскую семью, въ семейныя отношенія болѣе сильное нравственное начало, вся эта литература вовсе не представляется измышленіемъ развращенныхъ людей; далеко нѣтъ, она обнаруживаетъ, что во французскомъ обществѣ послѣдняго времени строгое семейное начало потерпѣло извѣстное потрясеніе. Не одна литература указываетъ на этотъ фактъ; его подтверждаютъ и судебныя процессы—эти драмы безъ прикрасть, вырванные изъ дѣйствительной жизни. Русская литература въ этомъ отношеніи старается не отстать отъ французской, и подражаніе тутъ не произвольное. Одинаковыя причины даютъ одинаковыя послѣдствія.

Англійская литература представляетъ собою совсѣмъ иное. Тутъ описаніе «преступной связи» незаконныхъ, вѣнчанныхъ отношеній представляется исключеніемъ, составляющимъ «скандалъ», отъ котораго англичане отворачиваются съ негодованіемъ, если они и не негодуютъ, то по крайней мѣрѣ дѣлаютъ видъ, что негодуютъ. Конечно, отсутствіе литературы, посвященной незаконной связи, не можетъ служить доказательствомъ того, что въ англійскомъ обществѣ было свободно отъ подобныхъ отношеній; въ значительной степени отсутствіе указаній въ литературѣ на эту черту нравовъ должно быть объяснено англійской «приличіемъ» или даже лицемеріемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замечать, что англійскіе нравы въ этомъ отношеніи болѣе чисты, нежели нравы французскіе или русскіе, и какъ на одну изъ главныхъ причинъ относительной чистоты англійскихъ нравовъ, прежде всего указать на свободу расторженія брака, т.-е. на разводъ, который съ такимъ трудомъ допускается во Франціи и Россіи. Во Франціи онъ обставленъ такими условіями, которыя дѣлаютъ его просто невозможнымъ, въ Россіи же, если

онъ и возможенъ, то стоить такихъ огромныхъ денегъ, что добить его могутъ только люди весьма состоятельные.

Бракъ, — говоритъ Тэнъ, — окруженъ глубокимъ уваженіемъ, и въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе безусловно строго стоить только почитать книги, газеты, и въ особенности тѣ произведенія, въ которыхъ у насъ писатели наиболѣе свободны, напр., романы, легкіе журналы; прелюбодѣяніе никогда не выписывается, даже при свободѣ интимныхъ разговоровъ между мужчиною и женщиною, прелюбодѣяніе всегда представляется какъ преступленіе». Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что если французъ, напр., любить щеголять своимъ порокомъ и смѣло выставляетъ его напоказъ, то въ натурѣ англичанъ лежитъ черта прямо противоположная. Онъ будетъ казаться и притворяться святошею, не будучи вовсе свѣтымъ, и два англичанина, разсуждающіе между собою и клеймящіе прелюбодѣяніе именемъ преступленія, нѣсколько походятъ на римскихъ авгуровъ. Нравственное начало, безъ сомнѣнія, крѣпче въ англійской семьѣ, нежели русской или французской, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы въ этомъ громко заявляемомъ отвращеніи къ незаконнымъ отношеніямъ не играло значительную роль лицемеріе.

Помимо развода, который устраняетъ часто возникновеніе незаконныхъ отношеній, есть разумѣется на то и другія причины. Тэнъ, говоря объ относительной чистотѣ семейныхъ отношеній въ Англии, указываетъ, что англійскія женщины ведутъ себя болѣе строго, во-первыхъ, потому, что съ дѣтства онѣ были болѣе свободны въ обращеніи съ мужчинами и потому умѣютъ себя вести; во-вторыхъ, потому, что онѣ менѣе склонны къ иллюзіямъ и мечтаніямъ, зная болѣе близко молодыхъ людей; въ-третьихъ, потому, что онѣ болѣе привыкли мыслить, и получили болѣе серьезное воспитаніе; затѣмъ у нихъ обыкновенно бываетъ много дѣтей и кромѣ того онѣ никогда не остаются праздными, — а кто не знаетъ, что праздность это мать всѣхъ пороковъ. У англійскихъ женщинъ умъ постоянно занятъ, время исполнено, имъ некогда предаваться празднымъ мечтаніямъ. Кромѣ того, Тэнъ отдаетъ предпочтеніе и самому нравственному принципу въ Англии. «Во Франціи, — говоритъ онъ, — онъ основанъ на чувствѣ чести, въ Англии на идеѣ долга. Первый нѣсколько произволенъ; его сила различна, смотря по возраженію людей. Одинъ строгъ въ одномъ отношеніи и считаетъ себя свободнымъ во всѣхъ другихъ; въ области дурныхъ поступковъ онъ отдѣляетъ такіе, которые себѣ строго воспрещаетъ; но определяетъ дурныхъ подчиняется личнымъ вкусамъ человека, такъ

напр., онъ будетъ правдивъ, когда говоритъ, но не тогда, когда пишеть и наоборотъ. Моя честь заключается въ томъ, въ чемъ я вижу мою славу, а я могу поставить ее какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ. Напротивъ, идея долга строга и не терпитъ никакихъ компромиссовъ. Англичанка знаетъ, что выходя замужъ она клялась въ вѣрности мужу, и воспоминаніе объ этомъ обѣщаніи приковано къ ея совѣсти... Помимо того, у нея нѣтъ той гибкости ума, той ловкости, которая необходима, чтобы совмѣстить отношенія къ мужу и вмѣстѣ къ любовнику; двойственность противна ея прямому характеру; дѣлежъ ее возмущаетъ; необходимость лгать и лгать безпрерывно ей невыносима».

Если англійская женщина относится къ своимъ супружескимъ обязанностямъ несравненно болѣе строго, чѣмъ женщина континентальной Европы, то и мужчины точно также представляются болѣе сдержанными во всемъ, что касается незаконныхъ любовныхъ отношеній. Тэнъ замѣчаетъ, что вызвать англичанина на такой разговоръ дѣло вовсе не легкое: онъ увертывается и какъ бы совѣститъ его. Отчасти это происходитъ изъ желанія показать себя съ лучшей, съ болѣе строго-нравственной стороны, отчасти, и можетъ быть главнымъ образомъ, это объясняется тѣмъ, что натура англичанъ дѣйствительно болѣе холодная. Къ этой главной причинѣ присоединяется еще много другихъ, которыя объясняются общимъ складомъ англійской жизни. Вотъ какъ объясняетъ Тэнъ относительную чистоту англійскихъ нравовъ: «Англичане работаютъ много и конкуренція постоянно толкаетъ ихъ впередъ и впередъ; нужно составить себѣ карьеру; комфортъ стоить дорого, поэтому, чтобы добыть его, требуется много денегъ; умъ постоянно напряженъ; для воображенія мало времени. Физическія удовольствія отвлекаютъ ихъ точно также, чтобы отдохнуть отъ работы: они гребутъ, катаются на конькахъ, играютъ въ крикетъ, ѣздятъ верхомъ, путешествуютъ, охотятся въ Highlands или за-границей, поднимаются на горы, устраиваютъ прогулки; молодой человекъ, богатый и праздный, проводитъ въ Лондонѣ всего три мѣсяца въ году, и соблазнъ Лондона несравненно менѣе привлекателенъ, нежели соблазнъ Парижа. Общественное мнѣніе менѣе терпимо, чѣмъ у насъ, и оно очень боится. Большинство долго сохраняетъ свои религиозныя вѣрованія, которыя хотя представляютъ собою и слабую опору, но все-таки узду. Очень рано англичанинъ думаетъ уже о бракѣ и строить въ своемъ воображеніи маленькій сердечный очагъ и семейное счастье. Вся современная литература, стихи

и проза, поддерживаютъ въ такомъ образѣ мыслей, который, чувствъ корни, исключаетъ всякія противоположныя помыслы»...

Вотъ отчего, если у кого и заводится любовница, то онъ тщательно скрываетъ ее, скрываетъ даже отъ друзей, опасаясь молвы, нарекаій, нападокъ. Если англичанинъ и будетъ бросать тысячи на свою любовницу, то онъ будетъ бросать тайно отъ всѣхъ, а не такъ, какъ то дѣлается въ другихъ странахъ, гдѣ одно изъ удовольствій имѣть любовницу заключается именно въ хвастовствѣ ею. Ей даютъ великолѣпныхъ лошадей, дивные экипажи, ее покрываютъ брилліантами и кружевами, все для чего? для того, чтобы когда спросятъ на улицѣ или въ театрѣ, кто эта женщина, всякій могъ сказать: это любовница такого-то! Вотъ этой презрѣнной черты не существуетъ въ англійскомъ обществѣ. Изъ того, что сказано, не слѣдуетъ однако выводить заключенія, что англійская семейная жизнь представляетъ собою идеалъ нравственной чистоты, и что пороки, безнравственность, развратъ бѣжитъ отъ англійскихъ береговъ. Конечно, нѣтъ. Въ Англии, и въ особенности въ Лондонѣ развратъ существуетъ и часто проявляется въ несравненно болѣе грубыхъ формахъ, чѣмъ на материкѣ, у него нѣтъ той утонченности, которую онъ себѣ выработалъ въ остальной Европѣ; развратъ въ Лондонѣ болѣе отталкиваетъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, онъ тутъ болѣе гадовъ, болѣе циниченъ, его никогда здѣсь не встрѣтишь подъ той привлекательною личиною, подъ которою онъ является, напр., въ Парижѣ; но болѣе грубый, болѣе отталкивающий, онъ остается въ Англии болѣе изолированнымъ и несравненно менѣе проникаетъ во внутреннюю, семейную жизнь Англии. Въ этомъ заключается великое преимущество англійскихъ нравовъ. Развратъ здѣсь долженъ скрываться, онъ бѣжитъ дневного свѣта, въ то время, когда въ другихъ странахъ онъ первенствуетъ, и семейная жизнь робко сторонится отъ него, уступая ему почетное мѣсто. Семейная жизнь приучаетъ въ Англии къ труду, къ исполненію своихъ обязанностей, своего долга, къ заботѣ о самомъ себѣ, тому self-government'у, который лежитъ въ основѣ общественной жизни Англии.

V.

Познакомившись съ англійскими типами, насколько они проявляются въ ихъ физической природѣ, затѣмъ съ ихъ внутреннею семейною жизнью, мы должны теперь обратиться къ системѣ воспитанія и образованія въ Англии, которая стоитъ на рубежѣ между семейною и общественною жизнью въ странѣ. Воспитаніе

начинается дома, и продолжается и имъ должно бы продолжаться въ школѣ, университетѣ. Школа, университетъ формируютъ человѣка, который въ свою очередь долженъ сдѣлаться главою семьи и дѣятельнымъ членомъ общества. Когда мальчикъ находится дома, о чемъ заботятся главнымъ образомъ его родители? (О томъ, чтобы онъ былъ силенъ физически, чтобы въ немъ развилось сознание долга, строгое пониманіе своихъ обязанностей, чтобы онъ поскорѣ могъ стать на собственные ноги. Умственно развитіе стоитъ на второмъ планѣ. Таковъ же и общій характеръ воспитанія въ школѣ и университетѣ Англии.

Англійская система образованія представляетъ собою одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ англійской жизни. Образованіе является въ Англии достояніемъ исключительно привилегированныхъ классовъ; нужно принадлежать къ аристократіи по рожденію или къ аристократіи по богатству, чтобы пользоваться его менѣе какой-либо другой отрасли общественной жизни подвинуться впередъ; и въ то время, когда, по сознанію самыхъ горячихъ приверженцевъ аристократическаго начала, Англія демократизируется не по днямъ, а по часамъ, образовательная система стоитъ чуть не на точкѣ замерзанія. Она мало чѣмъ разнится отъ той, которая процвѣтала два-три вѣка назадъ.

«Образованіе—роскошь», вотъ то дикое начало, съ которымъ до сихъ поръ еще не можетъ раздѣлаться англійская жизнь, начало, представляющее собою темное пятно на относительно свѣтломъ фонѣ англійской общественной жизни. Начало это тѣмъ болѣе вредно, тѣмъ болѣе пагубно, что оно служитъ какъ бы аргументомъ для тѣхъ, которые употребляютъ все свои силы, все свое вліяніе, чтобы затушить просвѣщеніе среди народныхъ массъ и искусственно создать аристократическій слой, въ надеждѣ доставить ему господство надъ чернымъ и невѣжественнымъ народомъ. Какъ ни дико это начало, оно находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ цѣломъ историческомъ развитіи Англии, такъ рѣзко отличающемся отъ историческаго развитія другихъ народовъ; въ Англии, наконецъ, оно не можетъ имѣть такого бѣдственнаго вліянія, такъ какъ оно до извѣстной степени ослабляется господствующими въ странѣ нравами, благодаря которымъ люди развиваются, получаютъ здравыя понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ, помимо умѣнія читать и писать. Эти нравы составляютъ достояніе одной только Англии, добиться ихъ другіе народы могутъ только при помощи щедро распространяемаго образованія среди всѣхъ классовъ, всѣхъ сословій народа. Тѣмъ не менѣе Англія, которая почти во всемъ другомъ можетъ служить

образцомъ для народовъ континентальной Европы, въ отношеніи системы образованія не можетъ и не должна служить имъ примѣромъ.

И несмотря на то, что жалкое состояніе системы образованія въ Англіи до такой степени очевидно, несмотря на то, что противорѣчіе между этою системою и современными стремленіями англійскаго народа, стремленіями по существу демократическими, такъ явно, среди писателей, говорившихъ объ Англіи и англійскихъ общественныхъ учрежденіяхъ, далеко пѣтъ того единства въ нападеніи на эту печальную систему образованія, на которое можно бы надѣяться. Впрочемъ, пельзя и особенно удивляться такому явленію. Писатели, принадлежащіе къ аристократическому лагерю, хотя и считаютъ своею обязанностию говорить о необходимости образованія для всего народа, а не одной какой-нибудь касты, въ глубинѣ души все-таки не могутъ чувствовать особаго расположенія къ просвѣщенію народныхъ массъ, такъ какъ каждый шагъ, который дѣлается впередъ народнымъ образованіемъ, заставляеть аристократическое начало пятиться шагомъ назадъ. Вотъ почему такіе писатели восхищаются системою образованія, перенесенной изъ среднихъ вѣковъ, или вѣрнѣе застывшей на среднихъ вѣкахъ. Среди французскихъ писателей, восторгающихся англійскою системою образованія, выдается талантливый писатель аристократическаго лагеря Монталамберъ, который не паходитъ достаточно хвалебныхъ словъ, говоря объ англійскихъ школахъ и университетахъ. Но за то съ другой стороны, на противоположномъ концѣ стоитъ Ледрю-Ролленъ, который въ свою очередь не паходитъ словъ, чтобы заклеить позоромъ эту систему.

Описывая въ своемъ сочиненіи «De la décadence de l'Angleterre» порядки въ англійскихъ школахъ и университетахъ, описывая это аристократическое, стоющее тысячи фунтовъ стерлинговъ образованіе дѣтей герцоговъ и богачей, Ледрю-Ролленъ задаетъ вопросъ: «а народъ? народъ, отвѣчаетъ онъ съ ироніей, развѣ онъ нуждается въ образованіи, чтобы научиться созерцать дѣло Всевышняго? Развѣ онъ не находитъ въ своихъ вѣчныхъ страданіяхъ достаточнаго сознанія своего ничтожества? До 1839-го года, этому съ трудомъ можно вѣрить, одна только благотворительность распространяла нѣкоторое просвѣщеніе среди народа. Въ этомъ году правительство въ первый разъ вмѣшалось въ важный вопросъ народнаго обученія. Предложеніе, сдѣланное парламенту, прошло въ Нижней Палатѣ большинствомъ всего двухъ голосовъ. Тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ было вотировано, и то только послѣ трехдневныхъ дебатовъ. Палата

Ледрю-Ролленъ отнеслась одинаково враждебно къ этой мѣрѣ. Въ этой Англіи, столь щедрой когда дѣло идетъ объ ея аристократіи, семьсотъ пятьдесятъ тысячъ франковъ жертвуются правительствомъ для образованія дѣлаго народа. Удивительная щедрость! Это логично, съ озлобленіемъ прибавляетъ этотъ враждебный, и такъ часто несправедливо враждебный къ Англіи писатель: олигархія, которая ведетъ фатальнымъ образомъ къ нищетѣ, можетъ властвовать только надъ невѣжествомъ». Я нарочно привелъ эти слова, чтобы прямо указать на большое мѣсто въ системѣ англійскаго образованія—народъ остается безъ обученія, для него ничего не дѣлаютъ и ничего или почти ничего не хотятъ дѣлать. Правда, съ тѣхъ поръ, что была написана книга Ледрю-Роллена, т.-е. съ 1850-го г., утекло много воды, и Англія, которая непрерывно идетъ впередъ и непрерывно развиваетъ, конечно улучшая ихъ, свои общественныя учрежденія и свои нравы, сдѣлала и въ отношеніи народнаго образованія шагъ впередъ, хотя шагъ этотъ и могъ бы быть несравненно больше. Въмѣсто тридцати тысячъ фунт. стерл., о которыхъ говоритъ Ледрю-Ролленъ, государство даетъ теперь на народное образованіе миллионъ фунтовъ или около того; но что значить миллионъ фунт. для такой страны какъ Англія и для такого народа какъ англичане!

Нѣтъ сомнѣнія, что Англія, разъ сдѣлавъ шагъ въ дѣлѣ народнаго образованія, послѣ того, что въ продолженіи вѣковъ ничего для него не дѣлала, пойдетъ быстро впередъ и построитъ образованіе народа на болѣе прочныхъ началахъ, чѣмъ скудные подаянія, къ которымъ прибѣгаетъ правительство въ настоящее время; но тѣмъ не менѣе въ данную минуту народное образованіе въ Англіи находится относительно, напр., Германіи, Швейцаріи, даже Франціи, въ жалкомъ состояніи. Можно смѣло указать на двѣ главныя причины застою въ дѣлѣ народнаго образованія Англіи: причины эти: во-первыхъ, нежеланіе государства взять свои руки дѣло народнаго обученія, и во-вторыхъ, вредное вліяніе англійскаго духовенства.

Что касается до первой причины, нежеланія или опасенія государства взять въ свои руки вопросъ народнаго образованія, то въ этомъ отношеніи Англія до сихъ поръ еще не вступила на тотъ путь, который одинъ можетъ привести къ уничтоженію невѣжества среди народныхъ массъ. До сихъ поръ вопросъ о народномъ образованіи былъ вопросомъ не государственнымъ, вопросомъ частнымъ, до котораго правительству не было дѣла. Образованъ народъ или не образованъ, рассуждало правительство, это не мое дѣло, лишь бы народъ платилъ подати, лишь бы

отправляя онъ свои обязанности, а до остального мнѣ нѣтъ дѣла. Образованіе было дѣломъ частныхъ людей, дѣломъ самого общества, а такъ какъ народъ не понималъ, да и не имѣлъ времени, чтобы понять пользу обученія, то онъ и продолжалъ коснѣть въ невѣжествѣ. То, что дѣлалось для народнаго образованія дѣлалось сильною англійскою благотворительностью; народъ, и притомъ самая ничтожная его доля, получалъ образованіе какъ милостыню, а не какъ право. Очевидно при этомъ, что правительство, не бравшее на себя обязанности заботиться о народномъ образованіи, въ силу этого и не имѣло права вмѣшиваться какъ и чему учить народъ. Не давая на образованіе денегъ, оно не имѣло права имъ распоряжаться. Такъ продолжалось весьма долго, и только двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ, когда официальные данныя, обнародованныя правительствомъ, показали какъ велико невѣжество среди массъ и какой ничтожный процентъ населенія обученъ грамотѣ, тогда среди либеральной части общества поднялся вопль, который принудилъ правительство назначить для споспѣшествованія народному обученію ту ничтожную субсидію, надъ которой зло смѣется Ледрю-Ролленъ, существовавшимъ уже школамъ. Но какъ ни ничтожна была эта правительственная субсидія, она подняла цѣлую бурю среди тѣхъ, которымъ невмѣшательство государства въ дѣло народнаго образованія было съ руки. Англійское духовенство, въ союзѣ съ большинствомъ привилегированныхъ сословій всталъ противъ правительства. «Долой вмѣшательство государства! кричали они; если допустить его въ сферѣ народнаго образованія, то вы должны будете допустить его во всѣхъ остальныхъ сферахъ, и тогда прощай самоуправленіе, прощай наши коренныя права!» Въ одномъ изъ своихъ «Писемъ объ Англии», относящемся къ 1862-му году, т.-е. къ тому времени, когда правительство предложило парламенту нѣкоторыя реформы въ дѣлѣ народнаго образованія, желая укрѣпить за собою право болѣе серьезнаго за нимъ контроля, Луи-Бланъ передаетъ разсужденія противниковъ вмѣшательства государства въ дѣло образованія. Разсужденія эти были такого рода: Какъ! вы хотите допустить государство вмѣшиваться въ народное образованіе! Опомнитесь! развѣ вы не понимаете, что допустивъ его разъ, вы должны будете допускать его всегда—и всюду. Сегодня правительство простираетъ свою лапу на народное образованіе, завтра оно захочетъ наложить ее и на другія отрасли общественной жизни. Логика, неумолимая логика вещей принудитъ предоставить все, абсолютно все во власти правительству: литературу, журналы, священныя кафедры, пропитаніе бѣдныхъ, ихъ жилища, наконецъ, даже ихъ лохмотья!»

Напрасно этимъ противникамъ вмѣшательства государства возражали и доказывали, что вмѣшательство государства въ то, во что слѣдуетъ ему вмѣшиваться, не значить еще, чтобы оно вмѣшивалось тамъ, гдѣ его вмѣшательство было бы вредно; напрасно указывали на примѣры, напрасно приводили въ доказательство управленіе, напр., почтовою частію, которое не повело за собою вмѣшательства въ прессу, въ литературу и т. п. Ихъ ничто не убѣждало. Эти противники вмѣшательства правительства въ дѣло народнаго образованія хотѣли оправдать собою поговорку: горбатого могила исправитъ. Оппозиція ихъ тогда была такъ сильна, что къ отчаянію всѣхъ истинно либеральныхъ умовъ правительство должно было уступить. Враги народнаго образованія вяли верхъ.

«Между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ Луи-Бланъ, если есть какой-нибудь вопросъ на свѣтѣ, который требуетъ вмѣшательства государства, то это народное образованіе. Нѣтъ возможности примѣнить разумно къ этому вопросу принципъ «предложенія и спроса» вслѣдствіе той простой причины, что со стороны бѣднаго, слишкомъ невѣжественнаго, чтобы оцѣнить выгоды образованія, «спросъ» почти не существуетъ и еще по той главной причинѣ, что у бѣднаго нѣтъ рѣшительно средствъ приобрести образованіе. Общество же заинтересовано въ томъ, чтобы огромное число его членовъ не коснѣло въ невѣжествѣ, въ которомъ коренится порокъ и которое такъ часто порождаетъ преступленіе. Что это означаетъ? Вотъ законы, которымъ мы должны повиноваться подъ страхомъ наказанія, которое иногда ужасно, и въ то же самое время мы не имѣемъ права научиться соблюдать ихъ. Право образованія необходимымъ образомъ заключается въ обязанности подчиниться!» Но какъ бы то ни было, какую бы вражду ни встрѣтило въ Англии вмѣшательство государства въ дѣло народнаго образованія, шагъ сдѣланъ, воротиться назадъ нельзя, лицемѣрный принципъ, прикрывающійся такъ часто псевдо-либерализмомъ — laissez faire долженъ былъ уступить передъ натискомъ общественнаго мнѣнія, съ ужасомъ взглянувшего въ ту бездну невѣжества, въ которую погруженъ былъ самъ свободный народъ, или вѣрнѣе, единственный свободный народъ въ Европѣ. Только первый шагъ труденъ, говоритъ французская поговорка: первый шагъ сдѣланъ, и Англія волей-неволей должна будетъ придти къ обязательному и даровому обученію, этому принципу sine qua non для общества, замѣняющаго бюрократическія основы демократическими началами. Англія иногда медленно впередъ, она не дѣлаетъ прыжковъ, она не кричитъ о быстромъ пересозданіи всего обще-

ственного строя, но за то она никогда не пятится назадъ и не уродуетъ разъ совершенной реформы такъ-называемыми «улучшенствованиями», этими плодами неразумнаго страха а Донъ-Кихоть передъ созданіемъ собственной фантазіи. Она разрушаетъ созданнаго, она не побиваетъ дѣтей своихъ; въ этой ея сила, ея могущество, въ этомъ кроется то уваженіе, которое питаешь къ каждому шагу, который она дѣлаетъ впередъ. Въ каждой реформѣ ея лежатъ уже задатокъ къ дальнѣйшей реформѣ; реформа не гнется, смотря по вѣтру, то въ ту, то въ другую сторону. Реформа въ дѣлѣ народнаго образованія также пойдетъ неуклонно по прямому пути, и никакіе іезуиты не заставятъ свернуть ее съ дороги.

Вліяніе англійскаго духовенства — вотъ та вторая причина, которая такъ долго задерживала реформу народнаго обученія и которая виновна въ томъ, что и по-сию-пору образованіе въ Англій находится на такой поразительно низкой степени. «Элементъ религіозный, истолкованный въ духѣ секты, вотъ тотъ врагъ, говоритъ Луи-Бланъ, съ которымъ въ продолженіи сорока лѣтъ долженъ былъ бороться принципъ народнаго образованія, и который до сихъ поръ еще не побѣжденъ въ Англій. Лозунгъ всѣхъ религіозныхъ сектъ, начиная отъ католиковъ ультрамонтановъ и кончая конгрегационистами самыми свободными, всегда заключается въ слѣдующемъ: если не будутъ обучать нашихъ собственнымъ догматамъ, то пусть лучше ничему не обучаютъ. По поводу этого стремленія духовенства держать въ своихъ рукахъ народное образованіе авторъ «Писемъ объ Англій» вспоминаетъ очень кстати объ императорѣ Карлѣ V-мъ, который имѣлъ обыкновеніе, разсуждая о Миланѣ, говорить: «Мой братъ Францискъ I-й и я, мы удивительно сходимся по отношенію къ Милану: онъ хочетъ его имѣть и я тоже». Каждый изъ нихъ любя Миланъ, скорѣе согласился бы истребить его, нежели уступить одинъ другому. Такъ точно разсуждаетъ и духовенство, лучше пусть не будетъ вовсе народнаго образованія, но лишь бы оно не было вырвано изъ нашихъ рукъ, лишь бы образованіе не получило свѣтскаго характера. И они такъ искусно устроили свои дѣла, что до сихъ поръ еще держатъ народное образованіе въ своихъ ежовыхъ рукавицахъ.

Всѣ, кто только внимательно присматривался къ вопросу о народномъ образованіи, всѣ приходятъ къ такому выводу: въ Англій образованіе не представляется вопросомъ свѣтскимъ, это вопросъ пона. Глядя на одѣяніе и духъ тѣхъ, кто управляетъ школою, систему, которою она управляется, заботливость, съ которою приносятъ въ жертву религіозному образованію — образованіе

ваніе свѣтское, можно придти къ выводу, что тутъ воспитываютъ дѣтей не для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ членовъ общества, но для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ членовъ той или другой конгрегации. Школа вмѣсто того, чтобы быть разсадникомъ гражданъ, является гнѣздомъ прозелитовъ. Не думайте говорить здѣсь объ «отдѣленіи церкви и государства», не только церковь не отдѣлена здѣсь отъ государства, но въ томъ, что касается образованія, церковь господствуетъ, поглощаетъ, заставляетъ его служить себѣ». И какъ только государство желало, путемъ финансовыхъ мѣръ и пѣкотораго контроля надъ школами, вмѣшаться въ дѣло народнаго образованія и подчинить его своей власти, со всѣхъ сторонъ Англій раздались крики негодованія, исходившіе отъ духовенства. Государство желало, чтобы школа по крайней мѣрѣ доставляла народу возможность научиться читать, писать, первымъ правиламъ ариметики — желаніе повидимому самое скромное и самое законное, но его закидали укорами, что оно хочетъ изъ людей сдѣлать нехристей, атеистовъ и т. п. Люди, стоявшіе во главѣ школъ для народа, объявили, что если государство думаетъ обусловливать свою помощь недостойными свѣтскими требованіями, то пусть лучше государство не дастъ пособій, но пусть не вмѣшивается въ образованіе, раздаваемое народу благочестивыми руками. Духъ мрака и тьмы силепъ, и много времени еще должно будетъ пройти, прежде чѣмъ духъ свѣта вытѣснитъ его въ конецъ.

Какой же, можно спросить теперь, выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ всего, сказаннаго до сихъ поръ по поводу системы образованія въ Англій? Въ отношеніи образованія Англій принадлежитъ къ числу самыхъ отсталыхъ странъ западной Европы; только нравы этой свободной страны и глубоко вкоренившаяся привычка къ обсужденію всѣхъ серьезныхъ вопросовъ общественной жизни дѣлаютъ недостатокъ образованія менѣе чувствительнымъ, чѣмъ среди другихъ народовъ. Высшее образованіе принаровлено исключительно для привилегированнаго класса общества, оно является удѣломъ аристократіи по рожденію или по богатству и безусловно недоступно для людей бѣдныхъ и незнатныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ высшее образованіе покоится до настоящей поры на дряхлыхъ и негодныхъ навалихъ, позабытыхъ и не унесенныхъ въ могилу средними вѣками. Образованіе, приспособленное къ среднимъ классамъ и къ низшему народу, крайне ничтожно по своимъ размѣрамъ и еще болѣе ничтожно по духу, господствующему въ школахъ. Народное образованіе находится главнымъ образомъ въ рукахъ духовенства, во всякомъ случаѣ подъ его непосредственнымъ вліяніемъ,

и потому не отвѣчаетъ требованіямъ времени и духу тѣхъ новыхъ демократическихъ началъ, которыя вытѣсняють вѣковую аристократію. Недостаточность и негодность существующей въ Англии системы образованія признаны въ настоящее время всею передовою частью англійскаго народа, и это сознание выражается въ неотступныхъ требованіяхъ возможно быстрой реформы въ дѣлѣ образованія. Реформѣ этой положено начало, и при томъ постепенномъ, но неуклонномъ шествіи впередъ англійскаго народа во всѣхъ вопросахъ общественной жизни, можно, безъ боязни ошибиться, выразить увѣренность, что и въ вопросѣ образованія англичане сбросятъ наконецъ средневѣковыя и религіозныя путы и придадутъ ему тотъ характеръ, который одинъ можетъ удовлетворить современному развитію Англии.

Теперь мы можемъ обратиться къ книгѣ Тэна, и спросить, какъ относится къ системѣ образованія въ Англии писатель, воспитанный на началахъ прямо противоположныхъ тѣмъ, которыя онъ встрѣтилъ въ Англии, писатель, принадлежащій къ народу, среди котораго начало равенства лежитъ въ основѣ всей государственной жизни? Тэнтъ посвящаетъ вопросу образованія отдельную главу въ своей книгѣ, но ошиблись бы тѣ, которые думали бы найти тутъ подробную картину состоянія образованія въ Англии. Нѣтъ. Тэнтъ преравно ставитъ въ заголовкѣ «образованіе», и почти ни слова не говоритъ о народномъ образованіи. Вся глава посвящена высшимъ аристократическимъ школамъ и университетамъ Англии; какъ будто бы о другомъ образованіи не можетъ быть и рѣчи. Впрочемъ, быть можетъ и безъ намѣренія, Тэнтъ, умалчивая о народномъ образованіи, отнесся къ этому вопросу съ злою ироніею. Молчаніемъ своимъ о народномъ образованіи онъ какъ бы говоритъ: «народное образованіе въ Англии! да помилуйте, развѣ оно существуетъ. Образованіе это предметъ роскоши, годной въ этой странѣ только для избранныхъ!» Съ умысломъ или безъ умысла, Тэнтъ умалчиваетъ о главной сторонѣ вопроса объ образованіи, но во всякомъ случаѣ онъ оригиналенъ. Всѣ, которые писали объ Англии и о немъ, всѣ рѣзко становились на ту или другую сторону, одни съ умиленіемъ говорили о томъ, что только въ Англии среди вѣка въ дѣлѣ образованія сохранили весь свой букетъ, другие съ горечью и укоромъ указывали на печальное положеніе этого вопроса. Тэнтъ же не пристаётъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ; онъ передаетъ то, что видитъ, видѣлъ же и интересовался онъ однимъ высшимъ образованіемъ, и потому дѣлаетъ его характернымъ безъ предвзятой мысли, выставляетъ на видъ хорошія и дурныя его стороны, ничего не хвалитъ, ничего не порицаетъ, предоставляетъ

трибунальности читателя дѣлать какіе угодно выводы. Я говорю, онъ выставляетъ на видъ и хорошія и дурныя стороны, потому, что высшее образованіе на средневѣковой подкладкѣ не лишено и хорошихъ сторонъ. Въ этомъ убѣждаютъ и замѣтки Тэна.

Прежде всего онъ останавливается на англійскихъ школахъ, школахъ аристократическихъ, какъ Eton, Harrow, и приравниваетъ ихъ къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ Франціи, къ такъ называемымъ лицеямъ. Въ какомъ же отношеніи Тэнтъ отдастъ предпочтеніе англійскимъ школамъ? Англійскія большія школы помѣщаются не въ большихъ городахъ, а за городомъ, въ нѣсколькихъ часахъ отъ города. Не говоря уже о томъ, что въ школѣ вслѣдствіе этого получаетъ болѣе привольный характеръ. Дѣти не должны быть заперты въ четырехъ стѣнахъ, они не должны совершать чинныхъ прогулокъ подъ надзоромъ гувернеровъ, нѣтъ, въ свободныя часы они могутъ разбѣгаться во все стороны, бродить по деревнямъ, гулять гдѣ имъ вздумается. Заніе школъ не огорожено заборомъ, иди куда хочешь, только будь въ назначенный часъ дома и съ тебя никто не взыщетъ. Это великое дѣло,—говоритъ Тэнтъ,—предоставить возможность телу, воображенію, уму и характеру развиваться въ средѣ здоровой, спокойной и отвѣчающей нѣмымъ требованіямъ ихъ инстинктовъ». По его мнѣнію, и съ этимъ нельзя не согласиться, природа человѣческая окружена въ Англии большимъ уваженіемъ; на нее обращаютъ большое вниманіе. Въ школахъ другихъ странъ дѣтей заставляютъ работать по десяти и иногда по одиннадцати часамъ, въ Англии же не болѣе восьми, и часто даже семь и шесть часовъ сутки. Остальное время занято у дѣтей играми, всевозможными физическими упражненіями, которыя развиваютъ въ нихъ силу и крѣпость. Выбѣтъ съ тѣмъ, отчасти въ силу этого, дѣти здѣсь несравненно болѣе свободны во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ своихъ поступкахъ, они привыкаютъ здѣсь къ независимости, самостоятельности, осваиваются съ нею, такъ что когда юноша вступаетъ въ жизнь, онъ не чувствуетъ ослѣпленъ тою свободою, которую онъ впервые вку-

шаетъ. Выбѣтъ съ тѣмъ, мальчикъ, юноша—уже въ школѣ привыкаетъ къ обсужденію различныхъ политическихъ и нравственныхъ вопросовъ, и въ Англии никто не опасается сходбищъ юношей, весьма важно трактующихъ о политикѣ, никто не стѣсняетъ ихъ, никто не опасается, что юноши, учащаяся молодежь, перевернетъ толками, рѣчами, весь государственный строй. Собирай-

тесѣ, толкуйте, спорьте о политикѣ, критикуйте правительственные дѣйствія даже, какъ бы говорить имъ, вамъ никто не будетъ мѣшать, вы свободны. Юноши въ школахъ образуютъ общества, «debating societies», и въ собраніяхъ этихъ обществъ обсуждаются всевозможные вопросы. «Послѣ того, — говоритъ Тэнъ, — что молодые ораторы произнесли свои рѣчи, присутствующіе вотируютъ, составляется протоколъ, въ который вносятся высказанные по извѣстному вопросу аргументы; это парламентъ въ миниатюрѣ». Рядомъ съ этимъ воспитанники школъ издають журналы, и издають они ихъ не тайкомъ, опасаясь преслѣдованій какъ заговорщики, нѣтъ, издають по праву имъ принадлежащему, и въ ихъ журналахъ обсуждаются не ихъ школьные интересы, а вопросы политическіе, волнующіе въ данную минуту все общество. Они толкуютъ о выборахъ, о политическихъ союзахъ, о различныхъ правительственныхъ дѣйствіяхъ. Познакомившись съ жизнью дѣтей въ школахъ, Тэнъ приходитъ къ такому заключенію: «Съ какой бы стороны я ни смотрѣлъ, говорить авторъ «Notes sur l'Angleterre», я прихожу къ одному заключенію: въ Англіи не существуетъ глубокаго раздѣленія между жизнью ребенка и жизнью зрѣлаго человѣка; школа и общество стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, между ними нѣтъ стѣны или пропасти; одна ведетъ и приготовляетъ къ другой. Юноша не выходитъ здѣсь точно изъ темницы, изъ какого-то исключительнаго порядка, изъ особой атмосферы. Перемена воздуха не составляетъ его терять и испытывать потрясеніе. Онъ не только обрабатывалъ свой умъ, но онъ уже приучался къ жизни. У него не только есть извѣстныя идеи, но его идеи отвѣчаютъ тому обществу, въ которое онъ вступаетъ. Въ политикѣ, въ религіи, въ двадцать лѣтъ онъ находитъ уже совсѣмъ готовныя рамки, къ которымъ уже заранѣе приноровлены его вкусы и способности. Такимъ образомъ, ему легче избѣгнуть скептицизма. Жизнь его скорѣе опредѣляется, онъ менѣе блуждаетъ, чтобы отыскать употребленіе для своихъ силъ. — Всѣ тѣ, которыхъ я видѣлъ въ классахъ, на улицахъ и на поляхъ, всѣ имѣли здоровый и энергичный характеръ. Очевидно, по крайней мѣрѣ для меня, — продолжаетъ Тэнъ, — что здѣсь они болѣе дѣти и вмѣстѣ болѣе люди; болѣе дѣти, т. е. они болѣе любятъ забавы и менѣе склонны переходить границы ихъ лѣтъ; болѣе люди, т. е. болѣе свободны, болѣе способны управлять собою и дѣйствовать». Того же самаго взгляда на приучающее къ свободѣ воспитаніе держится и Монталамберъ, который говоритъ почти тѣми же словами: «Безъ помощи родителей и безъ другихъ стѣсненій, кромѣ тѣхъ, которая на-

сются извѣстными обычаями и уваженіемъ къ самому себѣ, которымъ проникнутъ каждый англичанинъ, съ отвагою и молодою силою они приступаютъ къ изученію общественной жизни, self-government'a, точно также какъ дѣлали то ихъ отцы и матери, прибавляетъ Монталамберъ, въ средневѣковыхъ школахъ». Если французскіе писатели, принадлежащіе къ различнымъ политическимъ, различнымъ партіямъ, писатели, которые менѣе всего могутъ быть заподозрены въ радикализмъ, указывая на эти выгодныя стороны англійскаго воспитанія, попрекають французское въ недостаткѣ свободы, предоставленной юношеству, то что же сказали бы они про всякую другую систему воспитанія, которая была бы вся направлена къ тому, чтобы оградить юношество отъ соприкосновенія съ вопросами, занимающими общество, и которая заставляетъ юношество жить съ мертвецами и среди всего мертваго?

Тэнъ, говоря объ англійскомъ воспитаніи, не ограничивается указаніемъ только на однѣ хорошія стороны, онъ точно также говоритъ и о дурныхъ; и если бросить тѣ и другія на вѣсы, то конечно чаша дурного перевѣситъ чашу хорошаго. Если забота о физическомъ развитіи достигаетъ дѣйствительно того, что дѣти становятся чрезвычайно крѣпки и сильны, то вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ сказать, что физическое развитіе идетъ въ ущербъ нравственному. Игры, забавы, физическія упражненія стоятъ на первомъ планѣ, ученіе же, книги, умственное развитіе отодвигаются на второй. Маленькій англичанинъ стремится не къ тому, чтобы отличиться въ ученіи, въ познаніяхъ, объ этомъ онъ заботится мало, нѣтъ, свою славу онъ полагаетъ въ томъ, чтобы быть первымъ въ крикетѣ, чтобы быть первымъ наѣзникомъ, чтобы лучше всѣхъ грестъ, чтобы стяжать себѣ славу гимнаста. Вслѣдствіе этого является извѣстная грубость, которая влечется поддерживается школьными порядками, школьными учрежденіями. На первомъ планѣ тутъ фигурируютъ розги, и розги не только не запрещаются, но напротивъ пользуются нѣкоторою популярностію. Тэнъ приводитъ примѣръ одной школы, воспитанники которой, узнавъ о намѣреніи начальства изгнать розги и замѣнить ихъ штрафомъ, чуть не взбунтовались и громко кричали: «здравствуй розги! долой штрафъ!»

Другая грубая черта въ англійскихъ школахъ — это обычай, который маленькие должны быть лакеями большихъ. Такъ какъ лакеи не могутъ управлять только силой, принужденіемъ, то и въ какой другой странѣ дѣти не подвергаются такому побоямъ какъ здѣсь. Пощечины, пинки, палочные удары нѣтъ ни по чемъ. Мальчика заставляютъ стоять смиренно и въ это

время ему безъ отдыха даютъ десять-двѣнадцать полновѣсныхъ пощечинъ. Обо всемъ этомъ говорится потому, что здѣсь такое обращеніе не случайное злоупотребленіе силой, пѣтъ, оно составляетъ систему, является необходимостью, оно составляетъ существенную черту школьныхъ правовъ. Такое направленіе крайне вредно отзываясь на умственномъ развитіи юноши; «школа, говоритъ авторъ» «Notes sur l'Angleterre, представляетъ собою родъ первобытнаго общества, въ которомъ сила господствуетъ безконтрольно, и тѣмъ болѣе, что благодаря извѣстному point d'honneur угнетенные никогда не жалуются на своихъ гонителей... Не слѣдуетъ, продолжаетъ онъ, давать полную свободу развиваться инстинктамъ господства и грубости. Обычай всегда ведетъ къ злоупотребленіямъ; одно требованіе возбуждаетъ другое, одни укоры вызываютъ желаніе другихъ; человѣку не слѣдуетъ никогда доставлять возможность становиться деспотомъ или палачомъ. Въ концѣ концовъ, образованіе, понимаемое такимъ образомъ, не лишено сходства съ спартанскимъ; оно укрѣпляетъ тѣло и закаляетъ характеръ; но насколько я могу заключить, оно часто приводитъ къ тому, что дѣлаетъ изъ людей спортсменовъ и дуралеевъ».

Проводя параллель между англійскимъ и французскимъ юношами, Тэнъ отдастъ рѣшительное предпочтеніе послѣднему во всемъ, что касается умственнаго развитія. Молодой англичанинъ, который хорошо учился, въ состояніи будетъ писать греческіе и латинскіе стихи, будетъ знать много фактовъ, но смыслъ ихъ историческое значеніе для него не ясно. Онъ мало читалъ самостоятельно, еще меньше думалъ, у него чрезвычайно мало идей, которыя глубоко бы проникли въ него, его не волнуетъ и не мучитъ никакой нравственный вопросъ, скептицизмъ чуждъ ему. Французъ же въ восемнадцать-девятнадцать лѣтъ быть можетъ обладаетъ меньшимъ количествомъ фактовъ, но за то общее образованіе его несравненно выше; въ него заброшено множество идей, онъ самъ размышляетъ, роется въ самомъ себѣ. у него свои вкусы, онъ предпочитаетъ того или другого писателя, у него составились уже общіе взгляды на искусство, на исторію, на философію, во всѣхъ серьезныхъ вопросахъ онъ составляетъ свое собственное мнѣніе, до котораго доходитъ самъ путемъ думы и размышленія. У француза нѣтъ того, что Тэнъ называетъ «готовымъ якоремъ», за который каждый англичанинъ можетъ уцѣпиться: рано потерявъ религіозныя вѣрованія, онъ окруженный цѣлымъ океаномъ скептицизма; онъ волей-неволей долженъ самъ добыть себѣ свой якорь, безъ котораго жажда его разобьется, онъ самъ долженъ отыскать себѣ свое нравствен-

ннице, которое зовется міросозерцаніемъ. Французъ добирается до него самъ, и часто оно стоить ему много страданій, много мукъ; англичанинъ же о немъ не думаетъ, оно дается ему готовое, и онъ довольствуется тѣмъ, которое ему преподносятъ.

Какова школа, таковъ и университетъ. Тутъ мы снова находимъ всѣ достоинства, но за то и всѣ почти недостатки, съ которыми пришлось встрѣтиться въ англійскихъ школахъ. Главное достоинство, самая характерная сторона заключается въ той связи, которая существуетъ между общественною жизнью и университетомъ. Въ этомъ сходятся всѣ писатели, говорившіе объ Англии. Что касается до другихъ достоинствъ, то тутъ слѣдовало бы условиться, что считать достоинствомъ и что недостаткомъ. Для Монталамбера главное достоинство заключается въ томъ, что «нигдѣ въ свѣтѣ средніе вѣка не сохранились такъ живо и цѣльно, какъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ»; онъ восторгается тѣмъ, что «ничего не было измѣнено въ тѣхъ статуяхъ», которые были даны въ 1505-мъ году, высказывая мысль, что «англійскіе университеты, какъ конституція и все общество, суть не что иное какъ великолѣпный образецъ стараго общества среднихъ вѣковъ, такъ, какъ оно существовало во всей Западной Европѣ». Во взглядѣ на такія достоинства точно также нельзя согласиться, какъ нельзя согласиться съ Монталамберомъ, когда онъ, выставивъ на видъ всѣ особенности аристократическаго образованія, то рѣзкое различіе, которое существуетъ въ англійскихъ университетахъ между болѣе и менѣе знатными, различіе, доходящее до того, что болѣе знатные носятъ особые шапки, садятся за отдѣльный столъ и т. п., кончаетъ тѣмъ, что говорить: «нельзя не согласиться, что нигдѣ и никогда не поддѣживалась организація болѣе благоприятная нравственности, свободѣ, достоинству и образованію». Все это разумѣется не достоинства, все это весьма крупныя недостатки, которые въ Англии менѣе вредны чѣмъ гдѣ-нибудь только потому, что они ослабляются цѣлымъ строемъ англійскаго общества, его вѣковою независимостью и свободою.

Тэнъ рисуетъ весьма полную картину жизни англійскихъ университетовъ, картину вѣрную, безспорно, какъ вѣрны всѣ тѣ картины, которыя даетъ авторъ «Notes sur l'Angleterre». Тэнъ не слѣдуетъ примѣру Монталамбера, онъ далеко не признаетъ англійскихъ университетовъ идеальными университетами, онъ весьма мягко опредѣляетъ ихъ значеніе, когда говоритъ: «англійскій университетъ во многихъ отношеніяхъ представляетъ собою не что иное, какъ клубъ молодыхъ людей знатныхъ или крайней мѣрѣ богатыхъ». Тэнъ, какъ французъ, въ котораго

равенство вѣлось, не могъ отнестись съ симпатіею къ тому отсутствію равенства, которое онъ здѣсь встрѣтилъ. Не восхищая Франціи, Тэпъ тѣмъ не менѣе гордо замѣчаетъ: «у насъ, въ политехнической школѣ, воспитанники не знаютъ даже имени стипендіатовъ; имена эти извѣстны только ксмитету, обязанному честью сохранять тайну; это деликатность присущая уму, пропитанному равенствомъ. Здѣсь напротивъ, богатство и званіе весьма цѣнятся». Такъ какъ въ англійскіе университеты стекается по преимуществу богатая и знатная молодежь, то среди ея постоянно происходятъ кутежи, пиры, обѣды, ужины; вино здѣсь льется рѣками, курятся самыя тонкія сигары, однимъ словомъ, молодежь ведетъ здѣсь безпечную и привольную жизнь, окруженную всѣми удобствами, всяческою роскошью, полною барства нравственнаго и матеріальнаго, такую жизнь, при которой занятія должны отходить далеко на задній планъ. Въ силу этого люди занимающіеся, работающіе, являются какъ исключеніе, большинство же проводитъ время праздно или въ чисто формальныхъ занятіяхъ.

Тѣ же физическія упражненія, тѣ же забавы, которымъ предаются дѣти въ школахъ, существуютъ, и еще въ усиленной размѣрѣ, и здѣсь. Цѣлые дни проходятъ въ игрѣ въ крикетъ, въ боксированіи, въ бѣгахъ, въ охотѣ, въ гонкахъ на лодкахъ, на конькахъ, въ скачкахъ, въ фехтованіи, однимъ словомъ, во всевозможныхъ физическихъ забавахъ, что конечно ведетъ только къ тому, что подтверждаетъ, какъ выражается Тэпъ, слова Платона о несомѣстимости жизни атлета и жизни мыслителя. Среди англійской университетской молодежи поэтому и встрѣчаются гораздо чаще атлеты, нежели мыслители. Но гимнастическія упражненія имѣютъ и свои выгодныя стороны. Онѣ не только развиваютъ воображенію, онѣ закаляютъ нервы, вліяютъ на спокойствіе человѣка, и въ концѣ концовъ способствуютъ выработкѣ нравственной жизни.

Но какъ бы то ни было, англійскимъ университетамъ не особенно хвалятся, и только такіе пристрастные писатели, какъ Мопталамберъ, въ состояніи, указывая на англійскіе университеты, говорить, что «они могутъ съ торжествующимъ видомъ отвѣчать всѣмъ своимъ хулителямъ, показывая на свои пламенные и правящими классами». Между тѣмъ, не университеты дали англійской націи величіе, принадлежащее ей по праву. Можно даже смѣло сказать, что Англія велика, — не благодаря своимъ университетамъ, — а несмотря на университеты. И потому, реформа образованія стоитъ въ Англии на очереди, и

нельзя, что и въ этомъ вопросѣ она не отклонится отъ того пути, по которому слѣдуетъ во всѣхъ другихъ вопросахъ, т.-е., и не быстро, за то неуклоннаго движенія впередъ. Настанетъ время, и время это конечно не далеко, когда Англія во всемъ, что касается образованія народа, достигнетъ той же степени, какой достигли въ этомъ отношеніи нѣкоторые народы западной Европы. Это обязанность такой страны, какъ Англія, и разумѣется, она не отступится передъ ней. Но уже и теперь нельзя не сказать, что Англія своимъ примѣромъ доказываетъ одно: политическое развитіе націи не находится въ зависимости отъ грамотности націи. Никто не станетъ спорить, что поуграмотная Англія стоитъ въ отношеніи общественной жизни, политическихъ правъ, выше и гораздо выше грамотной Германіи. Повидимому, тутъ кроется противорѣчіе. Какъ, можно сказать, развѣ не справедливо, что невѣжество и отсутствие политической свободы тѣсно связаны между собою! но противорѣчіе тутъ только кажущееся. Образованіе заключается не только въ умѣнїи читать и писать, оно гораздо болѣе выражается въ умѣнїи понимать свои обязанности и пользоваться своими правами. Этимъ-то послѣднимъ образованіемъ и сильна Англія; тутъ кроется ея мощь и значеніе. Въ отношеніи такого образованія англійскому народу принадлежитъ пальма первенства въ Европѣ.

Евг. Утинъ.